

РОБЕРТ
УИЛЬЯМ
СЕРВИС

ЗОВ ЮКОНА
стихотворения

Роберт Сервис

Зов Юкона

«Водолей»

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

Сервис Р. У.

Зов Юкона / Р. У. Сервис — «Водолей»,

ISBN 978-5-91763-409-8

Имя Роберта Уильяма Сервиса, которого на Западе называли «Кипплингом полярной Канады», в XX веке мало что говорило русскому читателю: из-за крайне резких стихов об СССР оно находилось под запретом. Между тем первые его книги издавались миллионными тиражами во всем мире, и слава поэта выходила далеко за пределы родных Шотландии и Канады. Мощь дарования Сервиса была такова, что его стихи кажутся продолжением творчества Кипплинга, а не подражанием ему: это работы не копииста, но верного ученика, хранящего традиции учителя. Наследие поэта огромно: одних лишь опубликованных стихотворений известна почти тысяча. Приблизительно треть их предлагается теперь нашему читателю в переводах участников интернет-семинара «Век перевода».

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-91763-409-8

© Сервис Р. У.
© Водолей

Содержание

Еще один Роберт	7
Первый сборник «Зов Юкона и другие стихотворения»	13
Страна, забытая богом	13
Зов Юкона	14
Сердце Сардо	16
Три голоса	17
Закон Юкона	18
Сын священника	20
Зов глухомани	22
Одинокий путь	24
Сосны	25
Наваждение	26
Песня добровольного раба	27
Не сникай	28
Выстрел Дэна Мак-Грю	29
Кремация Сэма Мак-Ги	31
Моя Мадонна	34
Незабываемое	35
Плата по счету	36
Катрены	37
Неприкаянные	38
Музыка в глуши	39
Стихи эмигранта, живущего на подачки с родины	41
Белое отребье	43
Тесный старый бревенчатый домик	44
Младший сын	45
Марш мертвецов	47
Мак-боец	49
Женщина и ангел	52
Утешение	53
Песня непосед	54
Канун Нового года	56
Гарпия[14]	58
Предупреждение	60
Бродяги	61
Посылка	62
Второй сборник «Баллады чечако»	63
Человеку Дальнего Севера	63
Мужчины Севера	64
Баллада о Северном сиянии	66
Баллада о шкуре черного лиса	71
Баллада про святошу Пита	75
Баллада о безбожнике Билле	78
Баллада об одноглазом майке	80
Баллада о Клейме	82
Баллада про растяпу Генри Смита	85

Человек из Эльдорадо	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Роберт Уильям Сервис

Зов Юкона. Избранные стихотворения

На обложке – картина С. М. Лоуренса (1865–1940).

© Е. Витковский, составление, предисловие, 2018

© Т. Берфорд; Н. Винокуров; Е. Витковский; В. Вотрин; И. Голубоцкая; Э. Горлин (наследники); А. Железный; Е. Кистерова; О. Кольцова; Б. Косенков; А. Кротков; В. Левик (наследники); Ю. Лукач; К. Манасенко; Д. Манин; А. Петрова; В. Резвый; А. Серебренников; А. Триандафилиди; С. Шоргин; Д. Якубов, 2018

© Издательство «Водолей», 2018

Еще один Роберт

Когда речь заходит о поэте по имени Роберт из Эйршира (Шотландия), почитателей творчества которого можно найти по всему миру, чья слава надолго пережила его самого, – когда речь заходит о поэте, чьи поклонники ежегодно устраивают обед в его честь, то невольно на память приходит одно имя – Бернс. Однако поэт, рожденный в деревушке Аллоуэй, умер почти бедняком в 37 лет, в то время как другой выходец из эйрширской семьи, другой поэт скончался на юге Франции в 84 года, давно будучи миллионером. Но что интереснее: именно его первая книга стихотворений была издана едва ли не самым большим тиражом в англоговорящем мире: по крайней мере, так считалось до конца XX века (около трех миллионов экземпляров, не считая перепечаток в составе «Собрания стихотворений» поэта).

Его имя – Роберт Уильям Сервис, и он хорошо известен за пределами родной Шотландии: он стал поэтом Канады. Точнее, Полярной Канады, Канады и Аляски Джека Лондона.

В то время, когда шотландцы по всему миру ежегодно в конце января празднуют Вечер Бернса, на диком западе Канады жители Уайтхорса устраивают обед в честь человека, которого они называют Певцом Юкона. Часто его называют также «Киплингом и Джеком Лондоном в одном лице». Однако Роберт Сервис не был канадцем по рождению, он родился 16 января 1874 года в Престоне, Ланкашир (Англия) в шотландской семье. Его отец, которого также звали Роберт, был родом из города Килвиннинг (Северный Эйршир), где работал банковским служащим. Как раз когда родился его сын, он был переведен на юг в одно из отделений Престонского банка. Многие поколения семьи Сервисов жили в Килвиннинге; когда старшего Роберта перевели на работу в Глазго, он услаб будущего поэта и его брата Джона к бабушке с дедушкой, к трем незамужним теткам, обожавшим мальчика, в Эйршир. Именно там Роберт приобрел нечасто встречающееся и у нынешних шотландцев знание разговорного гэльского языка; впрочем, тогда на нем в Шотландии говорила четверть миллиона человек (и многие из них не знали никакого иного).

Там Роберт пошел в школу и тогда же в нем проснулся поэтический дар – в шестилетнем возрасте он сочинил на свой День рождения первое стихотворение:

Спасибо, Господи, что всем
Ты шлешь бекон и сыр и джем,
Чтоб тетя Джейн умела тоже
Еще вкуснее стряпать, Боже!

(Стихи эти, как говорится, «к сожалению, сохранились»).

Несколькими годами позже Роберт перебрался в Глазго к родителям и вслед за отцом выбрал карьеру банковского служащего: в 15 лет он поступил на работу в Коммерческий Шотландский банк (который сегодня называется Королевским Шотландским банком). Параллельно с этим он окончил Университет в Глазго, где изучал английский язык и литературу, запоем читал книги Киплинга и Стивенсона, мечтая о дальних странствиях и необыкновенных приключениях. Работа в банке была невыносимо скучной, и когда хилый младший брат, окрепший на деревенских работах в Файфшире, предложил ему построить ранчо в Канаде, жажда приключений взяла верх.

В 1895 ему исполнился 21 год, он заявил о своем намерении семье и в конечном счете ушел из банка. Его отец побывал на распродаже и купил для сына костюм: сомбреро, высокие кожаные ботинки, кожаный жакет с бахромой. Тем и ограничился.

Роберт уехал из Глазго с книгой очерков Р. Л. Стивенсона «Эмигрант-любитель», рекомендательным письмом от банка, ковбойским костюмом и чемоданом с прочей одеждой, и в

1896 г. он пересек Атлантику. Однако там его ждала не романтичная ковбойская жизнь, а тяжелый труд разнорабочего в дебрях Британской Колумбии. Склонность к авантюризму заставляла его путешествовать по всему западу Америки и Канады вплоть до жаркой Калифорнии, не гнушаясь любой работой: в течение шести месяцев он учился доить коров, пропалывать сорняки на полях, где росла репа, косить сено, – это была жизнь ковбоя, но в ней было много труда и совсем не было романтики. Роберт отчасти переусердствовал, и как тут не вспомнить бессмертную прачечную в романе Джека Лондона «Мартин Иден». А рабочий день Сервиса иной раз составлял 16 часов: не до литературы было. Тем более, что ему выпала работа даже не в прачечной, а в шахте.

Много позже Сервис расскажет об этом времени в автобиографии «Лунный пахарь»¹:

«Каждый ящик весил около ста шестидесяти фунтов. Ящики доставляли на деревянных тележках, четыре за раз – вагонетки катили к выходу из тоннеля, где нас ожидали штукатуры. У нас было четыре тележки, и они катились по деревянным рельсам. Моя работа состояла в том, чтобы помогать одному парню грузить ящики в тележку и, затем, толкать всё это наверх, к цементникам. Там мы разгружались и возвращались за следующей партией груза.

Звучит легко и просто, делов-то: поднимай и толкай десять часов в день. Я мог предаваться мечтаниям, поднимая, и, толкая, сочинять стихи. Какая восхитительная работа!... Не, шучу. Поскольку туннель был низок и узок. Мы должны были сгибаться, чтобы не удариться головой о крепления. Когда шел дождь, покрытий как будто не было. Вода стекалась в лужи у нас под ногами.

Мы промокали насквозь довольно быстро. Рельсы были потрескавшимися и изношенными. Часто тележка сходила с трассы, и требовалась вся наша сила, чтобы поставить ее обратно. А дальше нужно продолжать путь наверх, и нам приходилось наваливаться всем своим весом, чтобы толкать вагонетку вперед. Через определённые интервалы мы прокатывались через развилки, где проезжали другие тележки – и мы должны были рассчитывать время так, чтобы не было никаких задержек. Если же задержка случалась, то для нас это означало серьёзные неприятности. Свет исходил от свечей, воткнутых в земляные стены; но вода их часто гасила, так что приходилось толкать и надрываться в темноте».

Иной раз удавалось найти работу и на поверхности земли, к примеру, стоять за прилавком, но ее Сервис ненавидел не меньше:

«Поскольку нужно признать, что, как продавец, я демонстрировал крайнюю степень неуспешности. Чтобы быть хорошим продавалой, ты должен не только уметь всучить клиентам то, что им нужно, но и то, что им не нужно. Я никогда не мог заставить себя делать это. И без того было довольно омерзительно продавать все эти вещи, зная, что они раза в два хуже своей цены.

Бывало, я убеждал нищего индейца, что нелепый костюм идет ему, как «обои ентной стене». Или продавал индианке туфли, зная, что они не прочнее картона. Я ненавидел себя за это. Жалкий торгашеский дух всегда был мне чужд. Если б мне самому пришлось продавать свои книги, я умер бы в сточной канаве. Если отвращение к предпринимательству является признаком творческого духа, то тогда я точно художник. Однако, не смотря на всю свою ненависть, я проработал на жалкой торгашеской позиции целых четыре года».

И будущий классик поступил почти так же, как герой Джека Лондона. Бросил все – но поступил иначе, нежели герой Джека Лондона. Правда, в июле 1900 г. несколько его первых стихотворений появились в печати (в ежедневной газете Британской Колумбии «Колонист»): в том числе прославленный впоследствии «Марш мертвых», написанный под впечатлениями англо-бурской войны: его брат Альберт – вместе с Уинстоном Черчиллем, – будущим лауреатом Нобелевской премии по литературе (1953) – попал в плен к бурам 15 ноября 1899 года.

¹ Отрывки из «Лунного пахаря» даны в переводе Д. Якубова.

Впоследствии стихотворение вошло в первую книгу Сервиса (а четвертая оказалась посвящена памяти погибшего брата, о чем ниже). Первый сборник Сервиса, вопреки бытующей легенде о том, что до «Выстрела Макгрю» поэт ничего не сочинил, на добрую половину состоял из вещей, написанных много ранее. Но для читателей легенда всегда лучше истины.

Однако на гонорары от газет ни Мартин Иден, ни Сервис прожить не могли. Устав от работы то в качестве продавца, то в качестве шахтера Сервис решил вспомнить навыки банковского служащего и в 1903 г. устроился на службу в Канадский коммерческий банк в Ванкувере, Британская Колумбия. Хотя времена великой «золотой лихорадки» миновали, названия *Доусон* и *Уайтхорс* горячили кровь молодого Роберта: в 1905 г. он перешел на работу в Юконский филиал банка и перебрался в Уайтхорс. Город, в котором во времена Золотой Лихорадки 1898 года жило свыше тридцати тысяч человек, куда в 1900 году пролегла железная дорога, в 1910 году населяло едва ли девять тысяч жителей. Но золотоискатели не исчезали, город не вымирал, – он и по сей день остается столицей канадских Полярных Территорий.

Большую часть выпадавшего свободного от службы времени Роберт проводил в одиноких блужданиях по окрестным лесам, восхищаясь величественной северной природой и черпая в ней поэтическое вдохновение. По вечерам в салунах он пел под укулеле и банджо чужие стихи (в основном Киплинга), но после того, как в местной газете «Уайтхорская звезда» было напечатано несколько его собственных произведений, редактор предложил ему написать что-нибудь о событиях, которые имели место непосредственно у них в городке. Он сказал: «Дайте нам что-нибудь, что бы касалось нашего собственного клочка земли. Это – золотая жила, которая только и ждет, чтобы ее разработали». Роберт задумался на мгновение. «Была субботняя ночь, и со всех сторон из салунов доносился гомон шумного веселья». И тут его посетило вдохновение... Он помчался назад в банк, чтобы записать рождающиеся строки, потревожил спящего коллегу, который принял его за злоумышленника и выстрелил в него с перепугу. Будь коллега чуть более метким стрелком, «Выстрел Дэна Мак-Грю», скорее всего, никогда не был бы написан.

Для крепких парней салун «Маламут» хорош и ночью и днем,
Там есть механическое фоно – и славный лабух при нём;
Сорвиголова Мак-Грю шпилял сам за себя в углу,
И как назло ему везло возле Красотки Лу.

За дверью – холод за пятьдесят, но вдруг, опустивши лоб,
В салун ввалился злющий, как пес, береговик-златокоп,
Он был слабей, чем блоха зимой, он выглядел мертвяком,
Однако на всех заказал выпивон – заплатил золотым песком.
Был с тем чужаком никто не знаком, – я точно вам говорю, —
Но пили мы с ним, и последним пил Сорвиголова Мак-Грю.

Перевод Е. Витковского

(В скобках: да, именно так, тот самый салон «Маламут», который упомянул в «Темной башне» Стивен Кинг)

Стихи, что называется, «хлынули горлом», баллада была набело переписана к пяти утра. За этой балладой последовало так много других, что Сервис решил собрать их и издать отдельной книгой. Первые же произведения, такие как «Выстрел Дэна Макгрю» и «Кремация Сэма Макги», сделали его известным поэтом. Чуть позже Сервис захотел издать свои стихи и даже был готов заплатить за это 100 долларов. Он не надеялся продать даже один экземпляр, однако издатель, подозрительно быстро поверив в потенциал молодого поэта, вернул ему деньги и предложил Сервису заключить контракт: 10 % с каждого проданного экземпляра. Думал ли

Роберт, что очень скоро счет этих экземпляров пойдет на миллионы?.. Думал ли он, что издатель безбожно обсчитывает его, допечатывая не учитываемые экземпляры и продавая их уже только в свою пользу?.. Но даже в такой ситуации доход поэта от его первой поэтической книги превысил сто тысяч долларов. Долларов начала XX века, что это такое теперь – не умею сосчитать.

Вскоре после того как в 1907 вышли «Песни Сардо» (ставшие известными позже как «Зов Юкона и другие стихотворения»: «сардо» – слишком труднопереводимое слово, примерно «пионер и золотодобытчик Полярной Канады, крутой парень»). [Забегая вперед, скажу, что в нашем издании первые три сборника Сервиса, наиболее прославленные, представлены полностью.] В 1908 году банк перевел Сервиса в бывшую столицу Золотой Лихорадки, в Доусон, где и возникла его вторая книга, «Баллады чичако»; лишь после ее выхода Сервис решился уволиться из банка. Книги пользовались такой бешеной популярностью и принесли автору столько денег, что он смог целиком посвятить себя писательской работе. В 1912 году вышла его третья поэтическая книга, название которой можно примерно перевести как «Ритмы Перекати-Камня», она также была встречена с немалым успехом. Сервис купил бревенчатый дом на склоне холма. «Позади была гора, внизу – долина Юкона. Величественный пейзаж вдохновлял, я был абсолютно одинок, и это было воплощением заветной мечты. Радовали меня и рога американского лося, прибитые над дверью. Они казались символом успеха, моей Крылатой Победой». Не забудем, что огромный американский лось был символом Канады задолго до Сервиса, о нем писали гэльские поэты Новой Шотландии еще в те времена, когда Новая Шотландия даже и по-английски не говорила. Интересно отметить, что «Дом Сервиса» в первоизданном виде существует до сих пор: сотрудники службы Национальных Парков Канады заботливо сохраняют его как историческую достопримечательность (вплоть до того, что постоянно обновляют его дерновую крышу), а поклонники творчества поэта и туристы всегда могут хотя бы заглянуть в его окна: прошло уже столетие, и ветхость бревен не позволяет допустить внутрь даже самых верных фанатов поэта. Главная улица Уайтхорса сейчас носит его имя.

Не будучи стесненным в средствах, Сервис стал много путешествовать – объездил всю Европу, писал иногда статьи для газет и предавался богемной жизни Латинского квартала Парижа, поселившись возле Набережной Вольтера. Окончательно – по всей видимости – оправившись от разрыва с некоей Констанцией Маклин (поэт познакомился с ней в 1906 году, четыремья годами был с ней помолвлен, но уже в 1912 году Констанция оказалась замужем за неким землемером в Доусоне), поэт нашел свою судьбу в Старом Свете: в июне 1913 года он женился на француженке Жермене. Она была дочерью владельца ликероводочного завода. Они познакомились, толкаясь в толпе, глазевшей на военный парад. Мадам Сервис узнала, что ее муж – богатый человек, лишь спустя год после свадьбы, в велосипедной поездке в Бретань, когда поэт привел ее в свой дом, «Приют Мечты», в Лансье. Сервис был актером всегда и во всем – не только в балладах, но даже в отношениях с любимой Жерменой.

Во время Балканских войн 1912-13 г.г. Сервис стал корреспондентом газеты «Звезда Торонто». Затем он уехал во Францию – и остался там на полтора десятилетия. В армию он попасть не мог: сказались годы скитаний от Калифорнии до Аляски, тяжелейшая работа «по Мартину Идену» – Сервис всю жизнь страдал варикозным воспалением вен. Но не в его характере было оставаться в стороне от событий. Ему был 41 год, когда началась Первая мировая война. Негодный к строевой службе, он вновь стал военным корреспондентом и два года прослужил водителем санитарной машины на линии фронта, что дало материалы для создания цикла баллад «Ритмы человека из Красного Креста». Это была четвертая книга его стихотворений, поэт посвятил ее памяти брата, лейтенанта канадской пехоты Альберта Сервиса, погибшего во Франции в августе 1916 году. К этому времени поэт был известен уже и в иной ипостаси: первый же его роман «Тропа девяносто восьмого» (1909), о Золотой Лихорадке 1896–1906 годов, книга по сей день переиздается, в том числе и в русском переводе, а второй роман

– «Самозванец. История в Латинском Квартале» (1914) хотя и вышел не совсем вовремя, но славы автору не убавил. Забегая вперед, скажем, что и четыре более поздних романа Сервиса, среди них один фантастический, по сей день заслуживают внимания.

Сервис вновь стал путешествовать, побывал в Шотландии, в Килвиннинге, там, где провел детство. Вторая мировая война застала его в Польше, откуда он бежал через Швецию во Францию, позже – в США. Поэт с семьей перебрался на безопасное западное побережье Америки, жил в Канаде, в Голливуде и Ванкувере. Вместе с другими знаменитостями участвовал в концертах, поднимавших боевой дух армии – в военных лагерях читал вслух и пел свои стихи. В 1942 году вместе с Марлен Дитрих он снялся в кинофильме «Негодяи» (в роли самого себя!). Фильм, кстати, достоин того, чтобы посмотреть его и сейчас: вестерн на материале юконской «золотой лихорадки» и сам по себе нечасто найдешь, столь свирепые драки с участием «короля вестерна» Джона Уэйна на экране почти неизвестны, – и совершенно незабываема сцена, когда очаровательная хозяйка салуна «Северянин» Вишенка Малотт (Марлен Дитрих) проходит по галерее над общим залом и останавливается у столика, за которым не обозначенный в титрах фильма Поэт (собственно Роберт Сервис) сидит и что-то пишет, хозяйка спрашивает – о чем? – и Поэт отвечает: «о женщине по имени Лу, и о ее возлюбленном Дэне Мак-Грю, которого в конце убивают...». Сервис гордился этой своей «ролью». И к тому были основания: весь аромат кинофильма – это аромат поэзии Сервиса, запах золота и перегара, алчности и голода, красоты и безумия.

В общей сложности было издано около сорока пяти его поэтических сборников, куда вошло более 1000 стихотворений, – притом, что по имеющимся данным написано им еще не менее восьмисот. Перу Сервиса принадлежат две автобиографические книги, «Пахарь Луны» (1945) и «Небесный Арфист» (1948), о шести романах было рассказано выше. Одну из его книг в 1927 г. взял с собой в первый одиночный перелет через Атлантический океан знаменитый летчик Чарльз Линдберг. На границе Аляски и Канады гора с двумя вершинами была названа в честь двух самых выдающихся писателей тех мест: вершина на Аляске – «Джек Лондон», вершина в Канаде – «Роберт Сервис», – хотя есть основания полагать, что наречение это состоялось явочным порядком и на карту не попало; в любом случае – улицы Сервиса есть во многих городах. Едва ли не любимым своим поэтом считал Сервиса Рональд Рейган. Даже герои прославленной серии романов о детективе Ниро Вульфе знаменитого писателя Рекса Стаута нет-нет да и читают Сервиса – одновременно с Кипплингом и Джеком Лондоном.

Надо отметить, что в тридцатые годы Сервис все более и более интересовался марксистским движением. В 1937 он предпринял официальный тур по Советскому Союзу, и повторил поездку годом позже (см. его цикл «Советская страна»: вовсе не таких откликов ждали в Москве от славного писателя). Вторая поездка была прервана новостями о договоре Гитлера-Сталина. Сервис бежал через Польшу, Латвию, Эстонию и Балтику в Стокгольм, лишь затем через Францию отбыл в Канаду. Армия Германии подошла к его дому в Лансье очень скоро: поэта, открыто издевавшегося над Гитлером в газетных стихах, полагалось поймать. Но всех не переловишь, а у Гитлера вскоре стало куда больше проблем.

После Второй мировой войны Сервис возвратился во Францию, где вместе с женой и дочерью прожил остаток жизни в Бретани и на Французском побережье Ривьеры. В 1946 году с семьей он еще раз посетил Уайтхорс... но теперь для него это было место, населенное одними призраками. Он предпочел помнить страну юности такой, какой она была в начале века, и больше не вернулся в Канаду; весной 1958 года он умер и был похоронен в Лансье. Жермена Сервис, вдова поэта, надолго пережила его – и умерла в 1989 году в возрасте 102 лет.

Канадцы о европейской судьбе поэта мало распространяются, национальной гордости надо бы жить «дома», но Сервис считал своим домом любую страну, куда забрасывала его судьба. Он писал об Испании, Франции, Шотландии, даже о России, – и все же признавался сам себе в стихах, что если Господь и допустит его быть причисленным после смерти к пле-

яде истинных поэтов, то именно за созданный давным-давно «Выстрел Мак-Грю». Сервиса в самом деле нередко называют «Кипплингом Полярной Канады», и к этому есть не только географические предпосылки: самые знаменитые баллады Сервиса тесно связаны с Кипплингом: «Кремация Мак-Ги» повторяет формой кипплинговскую «Балладу о Западе и Востоке», «Выстрел Мак-Грю» очень уж похож на «Балладу о ночлежке Фишера», и список этот можно продолжить. Однако мощь дарования Сервиса была такова, что произведения его кажутся скорее продолжением творчества Кипплинга, чем подражанием ему: это работы не копииста, но верного ученика, хранящего традиции учителя. Кроме того, повторю то, что уже писал в 1998 году в предисловии к большому тому избранных произведений Кипплинга: «...кое-кто² из читателей Кипплинга (в том числе в России) никого, кроме Кипплинга, не любит. Но этот факт годится и для обвинения, и для защиты». Возможно, и нехорошо цитировать себя самого, но лучше сказать не умею – причем на этот раз отнеся слова еще и к Роберту Сервису.

Справочники по англоязычной литературе Канады неизменно указывают на Роберта Сервиса как на единственного выдающегося поэта, целиком посвятившего свое творчество «полярным территориям». Для русского слуха его творчество созвучно прежде всего рассказам о «золотой лихорадке», принадлежащим перу Джека Лондона. Некоторые из его баллад («Выстрел Дэна Мак-Грю», «Зов Юкона», «Кремация Сэма Маг-Ги») вошли в золотой фонд мировой англоязычной поэзии. Из-за сравнительно позднего стихотворения «Баллада о гробнице Ленина» Сервис находился в СССР под почти гласным запретом; хотя в 1941 году и появилась в журнале «Литературный современник», № 4, одинокая и случайная публикация шести стихотворений в переводе Эрика Горлина (1916–1944, пропал на фронте без вести), для русской поэзии настоящий Сервис был открыт только в новом веке; баллада «Сон» увидела свет на русском языке в филладельфийском альманахе «Побережье» (2001, № 11) в переводе того же Эрика Горлина.

Десять лет участники интернетного сайта-семинара «Век перевода» работали над поэзией Роберта Сервиса; в итоге оказалась переведена примерно треть всего опубликованного поэтического наследия Сервиса. Единичные переводы XX века были изучены. Использовать удалось немного, таков оказался неизданный «Майк» в переводе Вильгельма Левика) начинается история: Роберт Сервис наконец-то превратился в русскую книгу. Только как прозаик он у нас давно известен – книга «Тропа девяносто восьмого» издана у нас несколько раз, правда, под названием «Аргонавты Девяносто Восьмого» (напоминаем – о Клондайкской Золотой лихорадке). Но... если стихи Джека Лондона почти ничего не прибавляют к его хорошо знакомому образу, то у Сервиса – наоборот; он и без прозы – прежде всего автор «Выстрела Мак-Грю» и еще сотен баллад.

Остальное читатель найдет уже в поэзии Роберта Сервиса.

Евгений Витковский

² Мнение критика кн. Д. Святополк-Мирского.

Первый сборник «Зов Юкона и другие стихотворения»

Страна, забытая богом

Долины дикие пусты.
Закат сгорает, одиноко.
И гор надменные хребты
Тихи, как смерть, сильны, как рок.

Закат пылающий умрет,
В долины сумерки сойдут;
Уперлись горы в небосвод —
Их звезды жадно стерегут.

Худой, под выпуклой луной,
Пронзая бархат тишины,
Шлет волк свой заунывный вой,
Злой дух отверженной страны.

О прокаженная страна!
Как в волчьем вое глубоки
Вся ненависть, чем ты сильна,
Вся крутизна твоей тоски.

Перевод Э. Горлина

Зов Юкона

Ища золотую жилу,
Я спину свернул в дугу.
Молодость отдал и силу,
Взамен получил цингу.
Завидуй мне, соплеменник:
Я кучу монет огрѐб:
Но не всё состоит из денег,
Не возьмешь их с собою в гроб.

Кто здесь не был – не пикни даже,
А кто был – посиди молчком,
Вспоминая горные кряжи,
И ручьи с золотым песком;
Этот мир слепив беззаконно,
Господь ушел на покой.
Но иным – не жить без Юкона,
И вот я-то как раз такой.

Ты приходишь стать побогаче —
Но тут не ждут чужака;
Год пройдет в сплошной неудаче,
Только это цветочки пока.
Суший грех: ни врагу, ни другу
Не опишешь ты жар в крови;
Беды гонят тебя по кругу
И поди этот круг прерви.

Под разверстым пещерным сводом
В мире, тишью наполненном всклянь,
Золотым, карминным восходом
Постепенно вскипала рань,
В ночь – луна жемчужного цвета,
Звезд нахальная чехарда —
Мне, наверное, снилось это:
Только вновь я хочу туда.

Там летние грозы часты,
Там солнцем трепещет лог;
В речке – хариус плавникастый,
В скалах – баран-толсторог.
Охотишься, ловишь рыбу,
Полно свободы житье:
Призывно кричат карибу:
Там, Господи, сердце мое!
Там зимы лишают зренья,

Земля закована в льды,
Там требует ужас смиренья,
Там полшага до беды.
Снег, что старше людского рода,
И тень легла на тайгу,
Там слиты страх и свобода:
Всё забыл бы, да не могу.

Безымянны горные кряжи
И неведомы устья рек;
Там не грех убийства и кражи,
И про смерть забыл человек;
Там никто никогда не плачет,
Лишь безмолвие – в том краю,
Там земля, что манит – а значит,
Я вернусь на землю сию.

Златокопу жизнью роскошной
Жить положено испокон.
Мне от вкуса шампанского тошно,
Скорей бы вновь на Юкон.
Я сравнивал оба ада,
И я обоим судья,
И если уж выбрать надо —
Юкон выбираю я.

Там золото есть в избытке,
Однако в моей судьбе
Важней, чем любые слитки,
Их поиск сам по себе.
Просторы природы дикой
Всегда и всюду со мной,
Страна красоты великой,
Земля тишины сплошной.

Перевод Е. Витковского

Сердце Сардо

Туда, где ослабился на луну клыков заснеженных ряд,
Туда, где полуденную белизну ложные солнца язвят
И на зов июня свергаются с гор тьмы ледяных громад;

Туда, где на тундру снежный покой нисходит в урочный час,
Где плодятся безмолвия семена и адское пламя, ярься,
В чашу полночных небес течет, – яшма, янтарь, алмаз, —

Туда, где в пенящейся быстрине проносятся льдины, стена,
Где реки в мученьях текут на закат, излучины кровеня, —
Туда, собрав свой нехитрый скарб, я уйду на исходе дня.

.....

Я знал, что однажды этот ловец к рукам меня приберет;
Нетленный зов, драгоценный зов, зов извечных широт;
И ныне – о боги неторной дороги! – как он мне сердце рвет!

Холеных божков, показуху, вранье больше терпеть не могу;
Мне на запах бобов и бекона идти, устроить «лежку» в снегу,
Проложить тропу, испытать судьбу, дать решающий бой врагу.

Глухоманью костлявой, разруху и смерть порождавшей во все
времена,

Я с Севером связан и с ним познал науку борьбы сполна.
Мы сражались вместе, плечом к плечу, – но верх одержит Она.

Я смеялся над Нею и шел на зов, бесстрашен и одинок,
И за владенье этой землей выплатил битвой оброк.
Но Глухомань одержит верх, крушенья день недалек.

Я бился насмерть, как волкодав, с волчьей землей сцепясь;
Содрогалось небо, и на снега потоками кровь лилась;
И, как замученный волкодав, встречу я смертный час.

Перевод Владислава Резвого

Три голоса

Я слушал на бреге диком
Волны монотонный слог;
Качая верхушки сосен,
Мне ветер шептал урок;
И пели мне звезды, но их напевы
В слова я облечь не мог.

И волны вели сказанье
О дали морских широт,
О берегу без названья,
Что нас в океане ждет,
О тех, кто плыл за богатым кладом
И сгинул в пучине вод.

И ветер учил быть честным,
Свободным, как ураган,
Не ведать любви к наживе,
Гордыни не пить дурман,
Тянуться душой к природе,
Как к матери мальчуган.

А звезды о Боге пели,
Что в каждом из нас живет,
О пальцах, плетущих пряжу
Столетия напролет;
Ветра и вода, душа и звезда —
Лишь нити Его тенет.

Закутавшись в одеяло,
В костер добавляя дров,
Мечтал я, что развернется
Бесшумно ночной покров,
Умолкнут волна и ветер,
Оставив мне песнь миров.

Перевод Ю. Лукача

Закон Юкона

Это – закон Юкона, чья скрижаль проста и крепка:
«Посылай ко мне только сильного, не посылай слабака!
Того, кому боль не страшна, кто пасть не боится в бою, —
Чем круче такой, тем лучше: пусть придет на землю сию.
Кто ловчее тигров Сибири, сильнее медведей во льду;
В чьей крови бульдожья порода – для тех награду найду:
Отыщи меж своих отродий лучших по существу,
Таких я в сердце приму, сыновьями их назову.
К золоту приведет их назначенная тропа:
Остальных – растопчет моя карающая стопа,
В их глотках будет бесплоден хрип и предсмертный вой:
Утаскивай-ка подале убогий выводок свой.

Пред мощью моей, скиталец, руки в страхе воздень:
Тысяча тысячелетий – для меня как единый день.
Под престолом храню богатства, встречи с женщиной жду —
А если дохляк припрется, так разве себе на беду:
Стать ему грязной пеной, илом лежать на дне.
Выбраковка людского рода – дело как раз по мне.
Одного за другим я брал – легче легкого – на измор.
Одному за другим выносил я очередной приговор.
Пусть потонут они, как крысы, погрызутся, как собачня,
От тухлятины ли подохнут, от Антонова ли огня;
В аду побывал, кто видел – что такое моя зима.
Коростой липнет на лица моя полярная тьма.

Я парней избивал буранами, заворачивал их во мглу;
Гнулись они, как луки, принимающие стрелу;
Воняли хуже волчар издыхающих, и одров;
Их ребра – что ксилофоны для смертной пляски ветров.
Молясь, но собравшись с силами, чтоб сразу, наверняка —
Пальцем ступни дотягиваясь до спускового курка;
С трудом плетясь под конвоем, пену роняя с губ,
Чеком на миллион живой размахивал труп,
И сгорал, будто вошь в костре... не сосчитать пьянчуг,
Нырявших купаться в прорубь, где любому мигом каюк;

Потому как самое место для них – это ил на дне;
Где быстрее сгниют они и надежней, чем у меня в глубине?
Ну, а если что заработал – к изгибу реки спеши:
Там салуны, там граммофоны: пускайся в пропой души!
Даже в городе, ложью набитом, ни к чему подобный балбес,
Он – добыча пропастей, кряжей и зимних моих небес!
Для меня такой – как чума, пусть подохнет – мне все равно.
Слабые тут подышают – лишь сильным выжить дано!

Но есть иные мужчины, что спину не гнут, служа —
Чести моей защитники, славы моей сторожа;
Они-то знают дорогу чрез ледяные миры,
И на моих порогах не боятся они снежуры;
Вот их-то и ждут богатства прибрежий моих и гор;
По-матерински с такими могу вести разговор.
Такому гостю гостинец изрядный принадлежаш —
Хранимый в хрустальных водах, в потемках звенящих чаш.
Вот это-то гости знают, что я ожидаю вдали:
Не то у начала мира, не то на краю земли.
А надо мной в глубинах, вокруг меня мерцает беда,
Во чреве жутком таящая не рожденные города.
Просторы мои широки; и лежу я, силы храня,
Ожидая мужчин, которые сумели бы взять меня:
Для неженки-горожанина здесь ни тропок нет, ни путей:
Но есть – дороги для викингов, с простою верой детей;
Отчаянным, несгибаемым в моем ледяном краю
Отдам я свои богатства, и плоть им скормлю свою.

Привычно полный до края, смотрю я на берега,
Исполнен вечной печали, ни в ком не видя врага;
Одну великую грезу лелея и день и ночь,
Когда же люди устанут, когда ж смотаются прочь;
Когда мне дадут свободу от грызни своей, от резни,
Ибо дающую руку лишь кусать умеют они.
А мне – мечтать о мужчинах, о женщинах, чтящих меня,
О детях, что здесь улыбнутся первому свету дня,
О жизни, о гордой славе флагов и городов,
С которыми поделиться я сокровищами готов».

Это – Воля Юкона, поставлена испокон:
Здесь слабый – должен погибнуть, а сильный – блюсти закон
Проклятый и отчаянный, в нем на всё найдется ответ:
Это – Закон Юкона, и крепче скрижали – нет!

Перевод Е. Витковского

Сын священника

*Он – священника сын; он в лачуге – один; он беседует сам с собой,
Когда Арктика льет свет нездешний с высот, освещая снега
ворожбой,
И мороз – шестьдесят, и собаки скулят, в снег зарывшись
голодной гурьбой.*

«Я в Братство Полярное вписан с почти забытых времен.
Я проклял давно край Юкона – но не покинул этих сторон.
Я летней порой был иссушен жарой; я мерз, голодал зимой;
Я шел за мечтой долиной речной, за золотом шел с киркой.

В глаза мне взгляни – два раза они от снега слепли почти;
Нет пальцев у ног, и шрамом прожег щеку мне мороз до кости.
Я жизнь проиграл среди северных скал, я этой землей клеймен
Ни доллара нет; ходячий скелет; что нужно мне? – лишь самогон.

Добыча – игра в рулетку, и рядом с удачей – провал;
Я явился сюда среди сотен других; тот выиграл, я – проиграл;
Мог быть как Ледью и Кормак – но, Господи, как я слаб! —
Все деньги свои растратил на выпивку, карты и баб.

Мы жили рыбалкой, охотой – давно, много лет назад,
И знать не знали у наших костров, что здесь, под ногами, – клад.
Еще закупали пушнину; случилось, что я засыпал
Как раз у ручья Бонанза – где после нашли металл.

Мы жили единой большой семьей, была у каждого – скво,
Жили вольно, без страха; про власть и закон не желали знать
ничего;
Но тут к нам донесся такой слухок, что любого с ума сведет;
Я успел на Бонанзу прежде, чем за золотом хлынул сброд.

Были слава и грех, был открытым для всех город Доусон – вот
времена!
(Хоть творил меня Бог – от макушки до ног, но внутри сидит
сатана).
Шли безумной толпой – и злодей, и святой; мимо бабы пройти не
могли...
И побольше навряд душ отправилось в ад из других уголков земли.

Здесь денег было – как грязи; ты – богач, а назавтра – гол.
Я на стерву-певичку однажды запал, но паршивку другой увел.
Я ушел в запой; через год, больной, в бараке на койке лежал,
Где постель грязна; и судьба ясна: срок, мне оставшийся, – мал.

С киркой и лопатой провел я на Юконе двадцать лет;
Шел по его долинам, встречал закат и рассвет;
С холодом здешним собачьим и с каждой горой знаком —
Да, здесь двадцать лет провел я... и стал теперь стариком.

Плевать на это! В бутылке есть пара глотков у меня.
Собак запрягу – и к Биллу отправлюсь при свете дня.
А ночь так длинна; валяюсь без сна, и тело горит как в огне;
Я утром отправлюсь... утром... и выпадет красное мне.

...Иди сюда, Кит, дорогая, твой пони уже под седлом...
...Убью тебя, Минни, паршивка! Не путайся с этим ослом...
...Играем! А ну-ка, Билли, ты сколько намыл в ручье?
...Отче, иже еси на небеси, да святится имя Твое...»

*Так священника сын, лежа в койке, один, разговаривал сам с собой,
Но огонь погас, и в рассветный час наступил для него отбой;
И с рычаньем голодные псы в тот же день его плоть растерзали
гурьбой.*

Перевод С. Шоргина

Зов глухомани

Ты глядел ли на величье – там, где видишь лишь величье,
Водопадов и обрывов высоту,
Гривы гор, пожар заката, в вышине полеты птички
И ревущую каньонов черноту?
Ты по сказочной долине и по горному отрогу
Проложил ли к Неизвестному пути?
Ты души настроил струны на молчанье? Так в дорогу!
Слушай зов, учись и цену заплати.

Ты шагал ли через пустошь, пробирался ли устало
Через заросли, кустарники, полынь?
Ты насвистывал рэгтаймы там, где дальше – только скалы,
Познакомился с повадками пустынь?
Ты под небом спал ли звездным, на коне скакал степями,
Ты, под солнцем изнывая, брел вперед?
Ты сумел ли подружиться со столовыми горами?
Ну так слушай – Глухомань тебя зовет.

Ты с Безмолвием знаком ли? То не снег на ветке нежной —
В Тишине той лжив и суетен наш бред!
Ты шагал ли в снегоступах? гнал собак дорогой снежной,
Шел ли в глушь? торил пути? достиг побед?
Ты шагал ли к черту в зубы, ты плевал ли на напасти?
Уважал тебя любой индейский род?
Чуял в мышцах силу зверя, мог ли рвать врага на части?
Так внимай же: Глухомань тебя зовет.

Ты страдал ли, побеждал ли? Шел к фортуне, полз за нею?
Средь величья – стал великим, как титан?
Делал дело ради дела? Мог ли видеть – дня яснее —
Ты в любом нагую душу сквозь обман?
Ты постичь ли смог, как много есть примет величья Бога,
Как природа гимны Господу поет?
Здесь творят мужчины смело только истинное дело.
Ну так слушай – Глухомань тебя зовет.

И в привычках пеленанье, и в условностях купанье,
И молитвами – кормежка круглый год,
И потом тебя – в витрину, как образчик воспитанья...
Только слышишь? – Глухомань тебя зовет.
Мы пойдем в места глухие, испытаем мы судьбину;
Мы отправимся неведомым путем.
Нам тропу звезда укажет, будет ветер дуть нам в спину,
И зовет нас Глухомань: ну так идем!

Перевод С. Шоргина

Одинокий путь

*Коль Одинокий Путь позвал – не изменить ему,
Хоть к славе он ведет тебя, хоть в гибельную тьму.
На Одинокий Путь вступил – и про любовь забудь;
До смерти будет пред тобой лишь Одинокий Путь.*

Как много путей в этом мире, истоптанных множеством ног, —
И ты, по пятам за другими, пришел к развилке дорог.
Путь лёгкий сияет под солнцем, другой же – тосклив и суров,
Но манит тебя всё сильнее Пути Одинокого зов.
Порою устанешь от шума, и гладкий наскучит путь,
И ты по нехоженным тропам шагаешь – куда-нибудь.
Порою шагаешь в пустыню, где нет годами дождя,
И ты, к миражу направляясь, погибнешь, воды не найдя.
Порою шагаешь в горы, где долог ночлег у костра,
И ты, с голодухи слабея, ремень свой жуешь до утра.
Порою шагаешь к Югу, туда, где болот гнильё,
И ты от горячки подохнешь, и с трупа стащат тряпьё.
Порою шагаешь на Север, где холод с цингою ждут,
И будешь ты гнить при жизни, и зубы, как листья, падут.
Порой попадёшь на остров, где вечно шумит прибой,
И ты на пустой простор голубой там будешь глядеть с тоской.
Порой попадёшь на Арктический путь, и будет мороза ожог,
И ты через мрак поползёшь, как червяк, лишившись навеки ног.
Путь часто в могилу ведет – не забудь; всегда он к страданиям
ведет;
Усеяли кости друзей этот путь, но всё же тебя он влечет.
А после – другим по костям твоим идти предстоит вперед.

*С друзьями распрощайся ты, скажи любви: «прощай»;
Отныне – Одинокий Путь, до смерти, так и знай.
К чему сомнения и страх? Твой выбор совершён;
Ты выбрал Одинокий Путь – и пред тобою он.*

Перевод С. Шоргина

Сосны

Наша дрема длится веками – первобытных сосен покой;
Под мха седыми клоками теснее смыкается строй,
Все глубже хватка в стылую хмарь, бессолнечных дней чередой.

Штормами изранены склоны – там наши столпились полки;
Пускаясь в набег на пустынный брег, песнь поем океанской тоски;
От владений морей до владений снегов наша власть крепка, как тиски.

Мы скудной страной гонимы, заперты тундрой и льдом;
Нами Севера земли хранимы, нам твердыней стоять и щитом,
Покуда последней лавиной рухнет мир, как карточный дом.

Нам – от глухого начала, сквозь эпохи мертвого сна;
Нам – тот удар, когда камни и пар метнула шипя глубина;
Нам – ледниковая поступь, медлительна и холодна.

С востока ветры, с запада ветры, странствуя там и тут,
Ваши песни пойте в вершинах крон, пусть людей сыновья поймут:
Несравненные сосны в начале пришли, последними сосны уйдут!

Мы столпы благовонного храма; мы венец, где орлы парят;
От нависшего полюса ветер падет, и старейшин рушится ряд;
Но где воин пал средь крошливых скал – стеною встанет отряд.

Из мрачной утробы каньона – в рост; разлеглись на коленях долин;
От белесой каймы морской бахромы до небо скребущих вершин
Мы восходим, и вод златоглазых болот ловим блеск в просвете
лощин.

Поднимись на горбатый водораздел, огляди открытый простор:
Сосны и сосны, и темные сосны – насколько видит взор;
Доблестных рыцарей строг легион в верховном владычестве гор.

Солнце, луна и звезды, – скажите, разве не век,
Как нынче, стоять нам стражей, взирая на времени бег,
Часовыми безмолвья, в чьей власти земель пустынных ковчег?

Перевод Е. Кистеровой

Наваждение

Глушь зовет меня – послушай – запустение рыдает!
Догадалась, испугалась, хочешь силой удержать?
Плачешь ты во сне, и слезы на щеках твоих мерцают —
Слышишь дали отголоски, что зовут меня бежать?

Заклинают: брось подругу! Просят, молят дни и ночи,
Север стонет, запад стонет – плач с равнины, с диких гор;
День и ночь – ты, верно, слышишь? – ну, а мне уж нету мочи:
«Возврати, кого взяла ты: нам он отдан с давних пор».

И преследуют, терзают окаянные просторы —
Хнычут, воем завывают, будто в каждом есть душа:
Это полюс ограждают коченеющие горы,
Мрака стылые пустыни, одиночеством страша.

По кострам моим тоскуют: не мелькнет ли бесшабашный
Блеск на ледяной равнине, где царит одна пурга.
Я друзей мечтал найти в них – одинокий и отважный,
И меня, как прежде, любят верные мои снега.

Кличут снова – впору сдаться: бесполезно отречься;
Зачарован, как ребенок, кроток, как зверек ручной —
Наяву, во сне страдаю; не уйти от них, я знаю:
Тихих голосов оковы – власть Безлюдья надо мной.

Я боюсь сказать, родная; мне не вынести прощанья;
Потихоньку, до рассвета, от любви твоей сбегу.
О, жестоко, как жестоко! – слышит Бог мои рыданья;
Но создавший всё, Он знает – у Пустыни я в долгу.

Перевод Е. Кистеровой

Песня добровольного раба

Когда окончится длинный день, и Хозяин даст мне расчет —
Думаю, в адскую пропасть меня пламя не завлечет.
И поповский рассказ про дорогу в рай, полагаю, тоже брехня;
Надеюсь только, что миг тишины – миг отдыха ждет меня.
На лицо мое грубое посмотри, неловким словам внемли:
Я, Господи, выполнил Твой наказ, трудясь на лоне земли.
Мелких хозяев обслуживал я, чтоб крупными стали они;
Я, поденщик, как пес в канаве умру – мои окончились дни.
Я использовал силу, что дал Ты мне, и ничего не таю:
Шесть десятков лет проработал я, и всё – во славу Твою.
Нынче, Хозяин, я сломлен, согбен, и душат хрипы в груди.
Но всё же я сделал дело свое, строго меня не суди.
Ты знаешь, как часто бывал я глуп, как часто бывал я слаб,
Сколько денег мне дьявол велел просадить на виски, на карты, на баб.
Сколь часто я, как последний дурак, вел себя на долгом веку,
Утехой служа льстецу, подлецу и шлюхиному кошельку.
А потом всё равно возвращался туда, где жернова и кайло,
Я жил трудягой, и потому не было мне тяжело
Ничто, кроме тяжелой работы ума (кто бы мне его одолжил?).
Я, как зверь, тратил зверскую силу свою: как приказывали, так и жил.
Одинокие дни и дороги мои были радости лишены:
Поцелуя любимой я не познал, не изведal ласки жены.
Женщины видеть хотели во мне животное естество,
А я бы на виселицу пошел ради взгляда любви одного.
Обладал я силой двоих мужчин, одичал я в глухом краю.
О, как дорожил бы женщиной я, о, как берёг бы семью!
В сотворенном Тобою мире я жил, пусть Тебя и хулил со зла,
Но я прожил жизнь, и по мне она не самой подлой была.
Рабочий, вечно по пояс гол, и уж некуда быть грязней;
Я копал канавы и спал в хлеву, где другой держал бы свиней.
Я прорубался через тайгу, минуя стремнины рек,
Зарывшись в глину, строил дворцы, каких не видал человек;
Я шахты рыл, я дороги стелил среди болотных пучин,
Ибо решителен был я и тверд – мужчина в мире мужчин.
Я, Господи, выполнил Твой наказ, я ныне к Тебе иду, —
За грехи осуждать меня не спеши, но суди меня по труду.
Я, Господи, сделал всё, что мог... До смерти подать рукой.
На Западе гаснет последний свет... Я заслужил Покой.

Перевод Е. Витковского

Не сникай

Если в схватке с чемпионом в первом раунде ты лег —
Не сникай.

Если ты побит вчистую, под собой не чуешь ног —
Не сникай.

Отбивайся, чтобы страх твой он почувствовать не мог,
Пусть лицо разбито в кашу – преподай ему урок,
И пока пластом не ляжешь, налетай как петушок —
Не сникай.

Жизнь – сплошная потасовка, сроду так заведено —
Не сникай.

Если ты боец неважный, остается лишь одно —
Не сникай.

Не показывай народу, что в душе черным-черно,
Улыбайся непреклонно – трин-трава и всё равно,
Коли счастья пожелают – пожелай ответно, но
Не сникай.

Бодрый ты с утра пораньше, или же наоборот —
Не сникай.

Хорошенько высыпайся, даже если сон нейдет —
Не сникай.

Ныть и хныкать бесполезно – до добра не доведет;
Кто предложит мировую – отрекайся наперед;
В том беда, что неизвестно, ты побьешь иль он побьет —
Но смекай.

Если снова невезуха – не давай попятный ход;
Блефовать – пустое дело; верь в себя – и повезет,
Не сникай.

Перевод А. Кроткова

Выстрел Дэна Мак-Грю

Для крепких парней салун «Маламут» хорош и ночью и днем,
Там есть механическое фоно – и славный лабух при нём;
Сорвиголова Мак-Грю шпилял за себя в углу,
И как назло ему везло возле Красотки Лу.

За дверью – холод за пятьдесят, но вдруг, опустивши лоб,
В салун ввалился злющий, как пес, береговик-златокоп,
Он был слабей, чем блоха зимой, он выглядел мертвяком,
Однако на всех заказал выпивон – заплатил золотым песком.
Был с тем чужаком никто не знаком, – я точно вам говорю, —
Но пили мы с ним, и последним пил Сорвиголова Мак-Грю.

А гость глазами по залу стрелял, и светилося в них колдовство;
Он смотрел на меня, будто морем огня жизнь окружила его.
Он в бороду врос, он, как хворый пес, чуял погибель свою,
Из бутылки по капле цедил абсент и не глядел на струю.
Я ломал башку: что за тип такой пришел сквозь пургу и мглу,
Но еще внимательнее за ним следила Красотка Лу.

А взгляд его по салуну скользил, и было понять мудрено,
Что ищет он, – но увидел гость полуживое фоно.
Тапер, что рэгтаймы играл, как раз пошел принять стопаря,
А гость уселся на место его, ни слова не говоря,
В оленьей поддевке, тощий, неловкий, – мне и слов-то не
подобрать, —
С размаху вцепился в клавиши он – и как он умел играть!

Доводилось ли вам Великую Глушь видеть под полной луной,
Где ледяные горы полны СЛЫШИМОЙ тишиной;
Где разве что воеет полярный волк, где, от смерти на волосок,
Ты ищешь ту проклятую дрянь, что зовут «золотой песок»,
И где небосклоном – красным, зеленым, – сполохи мчатся прочь;
Вот это и были ноты его: голод, звезды и ночь.

Тот голод, какого не утолят бобы и жирный бекон,
Но тот, который от дома вдали терзает нас испокон,
Пронимает тоскою по теплу и покою, ломает крепких парней
Голод по родине и семье, но по женщине – всех сильнее:
Кто, как не женщина, исцелит, склонясь к твоему челу?
(Как страшно смотрелась под слоем румян красотка по имени Лу).

Но музыка стала совсем другой, сделалась еле слышна,
Объяснив, что прожита жизнь зазря, и отныне ей грош цена;
Если женщину кто-то увел твою, то значит – она лгала,
И лучше сдохнуть в своей норе, ибо все сторело дотла,

И остался разве что вопль души, точно вам говорю!..
«Я, пожалуй, сыграю открытый мизер», – вымолвил Дэн Мак-Грю.

Стихала музыка... Но, как поток, она вскипела к концу,
Бурля через край: «Приди, покарай» – и кровь прилила к лицу;
Пришло желание мстить за всё, – да разве только оно? —
Тупая жажда – убить, убить... Тогда замкнуло фоно.
Он взглянул на нас, – я подобных глаз не видел, не буду врать:
В оленьей поддевке, тощий, неловкий, – мне и слов-то не
подобрать, —
И спокойно так нам сказал чужак: «Я, конечно, вам незнаком,
Но молчать не могу, и я не солгу, клянусь моим кошельком:
Вы – толпа слепцов, – в конце-то концов, никого за то не корю,
Только чертов кобель тут засел меж вас... и зовут его – Дэн Мак-
Грю!»

Я голову спрятал, и свет погас, – бабахнуло – будь здоров!
После женского крика зажегся свет: мы увидели двух жмуров:
Начиненный свинцом, – ну, дело с концом, – Мак-Грю лежал на
полу,
А чужак с реки лежал, привалясь к бюсту красотки Лу.

Вот и вся история: на нее глядел я во все глаза.
Допился ли гость до синих чертей? Не скажу ни против, ни за.
У судей, наверное, много ума, – но я видел: в спешке, в пылу
Целуя, обчистила чужака красотка по имени Лу.

Перевод Е. Витковского

Кремация Сэма Мак-Ги

*Навидались дел, кто денег хотел,
Кто золото здесь искал;
Тут въявь и всерьез въелся в жилы мороз —
Сказанья полярных скал.
Но поди, опиши ночь в полярной глуши —
Господи, помоги —
Ту ночь, когда средь Лебаржского льда
Я кремировал Сэма Мак-Ги.*

Нешто, гнали враги теннессийца Мак-Ги, что хлопок растил
испокон,
Узнай-ка, поди: но Юг позади, а впереди – Юкон;
Сэм искал во льду золотую руду, повторяя на холоду,
Мол, дорогой прямой отвалить бы домой, твердил, что лучше в
аду.

Сквозь рождественский мрак упряжки собак на Доусон мчали нас.
Кто болтает о стуже? Лыдистый коготь снаружи раздирал нам
парки в тот час.
На ресницах – снег, не расклеишь век, да и ослепнешь совсем.
Уж чем тут помочь, но всю эту ночь хныкал один лишь Сэм.

Над головой стихнул выюги вой, над полостью меховой.
Псы поели в охотку, звезды били чечетку, и Сэм подал голос свой.
Он сказал: «Старина, мне нынче – хана, думаю, сдохну к утру.
Вспомни просьбу мою в ледяном краю после того, как помру».

Полумертвому «Нет» не скажешь в ответ. А Сэм стонать
продолжал:
«Пуще день ото дня грыз холод меня – и в железных тисках зажал.
Но лечь навсегда под покровом льда... Представить – и то
невтерпеж.
Счастьем или бедой, огнем иль водой – поклянись, что меня
сожжешь!»

Смерть пришла на порог – торговаться не в прок, я поклялся: не
подведу.
И утро пришло, но так тяжело пробужденье на холоду.
Сэму виделась тропка у плантации хлопка где-то в стране родной,
А к ночи Мак-Ги отдал все долги, превратился в труп ледяной.

Дыхание мне в той гиблой стране ужас перехватил,
Обещанье дано – его всё одно нарушить не станет сил;
Труп к саням приторочен, торопись, иль не очень, не об этом в
итоге речь:

Покорствуй судьбе, долг лежит на тебе: что осталось – то надо сжечь.

Моги не моги, а плати долги, у тропы – особая власть.
Проклинал я труп, хоть с замерших губ не позволил ни звуку пасть.
Ночь темна и долга, и собаки в снега протяжное шлют вытье;
Укоряя меня кружком у огня: не сделано дело твое.

Вливался мой страх в этот бедный прах, тянулись дни и часы,
Но я, как слепой, шел всё той же тропой, оголодали псы,
Надвигалась тьма, я сходил с ума, жратва подошла к концу.
Я место искал, он – шерил оскал; и стал я петь мертвецу.

И добрел я тогда до Лебаржского льда – попробуй, не очумей!
Там намертво врос в ледовый торос кораблик «Алиса Мэй».
Я на Сэма взглянул и тихо шепнул, хоть был заорать готов:
«Черт, операция! Будет кр-ремация – высший-из-всех-сортов!»

Я взялся за труд: вскрыл полы кают, котел паровой зажег,
Даже увлекся: насыпал кокса, не иначе – Господь помог.
Ох, было дело: топка взревела, такое заслышишь – беги!
Я в горячей мгле схоронил в угле тело Сэма Мак-Ги.

Я решил, что не худо прогуляться, покуда тлеет покойник в дыму.
Меркло небо во мраке, завывали собаки, быть поблизости – ни к чему.
Всюду снег и лед, но горячий пот на лбу смерзался корой,
Я долго бродил, но котел чадил и в небо стрелял порой.

Сказать не могу – как долго в снегу длился тяжелый гул;
Но небо врасхлест посветлело от звезд – и я вернуться рискнул.
Пусть меня трясло, но себе назло я сказал: «Ну, вроде, пора —
Догорел твой друг!» – и открыл я люк, заглянул в потемки нутра.

Я-то парень неробкий – но в пылающей топке Сэм спокойно сидел
внутри:³
Улыбаясь слегка, он издалека крикнул мне: «Дверь затвори!
Здесь тепло весьма, но кругом – зима, как бы снегу не намело:
Как в минуту сию, лишь в родном краю было мне так же тепло».

*Навидались дел, кто денег хотел,
Кто золото здесь искал;
Тут въявь и всерьез вьелся в жилы мороз —
Сказанья полярных скал.
Но поди, опиши ночь в полярной глуши —
Господи, помоги —*

³ В огне сжигаемые тела принимают т. н. «позу боксера», что и увидел лирический герой стихотворения.

*Ту ночь, когда средь Лебаржского льда
Сжег я Сэма Мак-Ги.*

Перевод Е. Витковского

Моя Мадонна

Я с улицы девку привел домой
(Хоть шлюха – но краше нет!),
На стул посадил ее перед собой,
Ее написал портрет.

Сумел на картине я нрав ее скрыть,
Ребенка ей в руки дал...
Писал ее той, кем могла она быть,
Коль Грех Чистотою бы стал.

Смеясь, на портрет поглядела она,
И – скрыла ее темнота...
Явился знаток и сказал: «Старина,
Да это же – Мать Христа!»

Добавил я нимб над ее головой,
Картину сумел продать;
Вы можете холст этот в церкви святой
Иллариин увидеть.

Перевод С. Шоргина

Незабываемое

Я знаю сад под сенью старых крон,
И ту, что там сидит в погожий день;
Она свежей и краше, чем сирень,
И взор ее мечтою озарен!

Унылую мансарду знаю я,
Того, чей труд – бумага и стило;
Ночами, глядя в мутное стекло,
Он ищет звезды, горечь затая.

И странно: океанская волна
Их разделяет яростью своей;
Но он в саду сегодня рядом с ней,
И вместе с ним на чердаке она.

Перевод Ю. Лукача

Плата по счету

Как славно взять да завернуть в шикарный ресторан,
Где дразнит нюх приятный дух, где вина разных стран,
Где все приветливы с тобой, где бабы хороши,
Сигары, музыка, цветы – вот праздник для души!
Коль можно вволю пить и жрать, приятно жизнь течет,
Но трудно слезы удержать, когда приносят счет.

Прекрасно ночи все подряд резвиться и гулять,
И пороскошнее наряд, а денег не считать;
Плыть по течению, каждый день искать одних забав,
То куш сорвать, то сесть на мель, удачу потеряв;
Но вот Природа скажет: «Стоп!» – и денег не возьмет.
Придет пора – здоровьем ты оплатишь этот счет.

Мы все у времени в плену – берись за ум скорей,
Чтоб не пойти тебе ко дну, в стараньях преуспей;
Не совершай бесчестных дел, о долге не забудь —
Ты должен будешь заплатить за все когда-нибудь.
Так ешь и пей, и веселись, и пусть тебе везет,
Но помоги тебе Господь, когда получишь счет.

Перевод И. Голубоцкой

Катрены

Жизнь, говорят, дана, чтобы рискнуть —
Мерцать ли слабо иль звездой сверкнуть.
Ты сам решаешь – выбор твой, да, твой —
Пешком пойти, в машине ли махнуть.

Ей отвечал я: «Выбор мой? Навряд!
За нас рискнули много лет назад,
Раздали роли; отовсюду крик:
“Кто правит сей гигантский маскарад?”»

Слепые дурни, жалкие рабы,
Мы пляшем дружно под дуду судьбы.
Из тьмы, где над свободой воли глум:
«Хотя бы шанс дай!» – слышатся мольбы.

Шанс? Нет его! Пустая сцена ждет.
Вот занавес поднялся. Кукловод
Людишкам-куклам уготовил роль.
О, на ура спектакль наш пройдет!

Ведь все уж решено – години бед,
Извечный, непрерывный ход планет,
Империй взлет и гибель, натиск войн —
И то, что приготовишь на обед.

Случайностей не встретишь под луной.
Причина, следствие – король двойной.
Он правит всем (король законный пал,
Когда пришел ко мне туз козырной).

Из этой западни нам путь закрыт.
Творим не что хотим – что надлежит.
Наследственность нас в угол загнала
(Что утешает средь других обид).

Чу, слышишь? Благозвучный хор изрек:
«Причины нет – отсутствует итог».
С ума сойти! К чертям музыку сфер!
Столы накрыты. Ужин ждет, дружок.

Перевод В. Вотрина

Неприкаянные

Есть порода людей – им немил уют,
Им на месте сидеть невмочь;
И родню, и друзей они предают,
И бродяжить уходят прочь.
По степям бредут, по горам ползут,
Переходят стремнины рек;
В их крови проклятье – цыганский зуд,
И покою им нет вовек.

Пройдут весь путь до края земли —
Правдивы, храбры, сильны;
Но и там не осядут, куда пришли —
Снова хочется новизны.
«Случись по душе мне дело найти —
О, как бы я мог блеснуть!»
Колелется миг – и снова в пути,
Не зная, что ложен путь.

И всегда забывает тот, кто идет
Из Откуда-То в Никуда,
Что победу в жизни одержит тот,
Кто приложит много труда.
И всегда забывает идущий в путь,
Что расцвет его – позади,
Что осталось лишь правде в глаза взглянуть,
И мертва надежда в груди.

Проигрался. Удача ушла, как дым.
Весь свой век провел кое-как.
И жестоко жизнь подшутила над ним —
Он всего лишь смешной чудаки.
Имя им, неприкаянным – легион,
Им осанну не воспоют;
Что бродягой рожден – неповинен он,
Не по сердцу ему уют.

Перевод А. Кроткова

Музыка в глуши

Над тёмным лесом – серебро луны.
Мерцают звёзды. С поля за рекой
Коровьи колокольчики слышны —
Их сладкий звук приносит ей покой.

Закончен день, исполненный забот.
Устало глядя на вечерний свет,
Она свою любовь за солнцем шлет,
В тот край, куда возврата больше нет.

Стеною сосен взгляд ее пленён,
Беззвучен мрак, сгустившийся вверху;
Дыханье мёртвых, дорогих времён
К ней холодком пробилось сквозь ольху.

И пламя роз, и колыханье штор —
Как будто боли застарелой знак...
Ждет в доме фортепьяно с давних пор:
Проглядывают клавиши сквозь мрак.

И вот оно, касанье этих рук, —
Оно нежней, чем даже лунный свет;
И сумрачный, забытый, давний звук
В ночи оставил свой печальный след,

И вот она запела (песни той
Тоску нам никогда не описать;
Стыдимся мы в стране необжитой
Свою любовь и нежность показать,

Но эхом прозвучит у нас в сердцах,
Песнь о тебе, родная сторона;
И та, что рвется к Англии в мечтах,
Услышать это и понять должна).

Певица, примадонна и звезда...
А нынче – мать с седою головой.
Но прошлое явилось к ней сюда:
Она концерт припоминает свой,

Она опять стоит пред морем лиц,
Она опять предчувствует успех,
Она опять певица из певиц,
Она поет – и снова лучше всех —

Свой дикий, сладкий, горестный мотив,
В который жизнь вписала столько мук,
Который так неслыханно тосклив,
Как предзакатный лебединый звук.

Хромой бродяга мимо проходил,
Как старый пёс, как полудохлый зверь;
По шпалам брёл... прислушался... застыл:
Он – слушатель единственный теперь.

Всё тот же дивный голос прошлых дней;
В ее душе – и страсть, и забытьё...
Она поет, и неизвестно ей,
Что плачет нищий, слушая ее.

Умолк напев. Былого не вернуть.
И мир застыл, и звёзды в немоте —
И лишь бродяга, что прервал свой путь,
Рыдает в полуночной темноте.

Перевод С. Шоргина

Стихи эмигранта, живущего на подачки с родины

Рядом с хижинкой моею туша старого оленя —
Закипает котелок на тагане —
Я упорно шел по следу, и догнал его к обеду,
И убил его на горном валуне.
Я съедаю скромный ужин, сидя около залива,
Кижуч плещет в набегающей волне,
Я закуриваю трубку, и ложусь себе лениво
На поляну, в чужедальной стороне.

Далеки лощеный Лондон и Париж неугомонный,
Далеки, как краесветная звезда,
Далеки и шум, и спешка, и тревога, и насмешка —
Все, чем полнятся большие города.
А невольники Мамоны, состоятельные братья
Издеваются ехидно надо мной,
Был бы я богатым тоже, если б выпрыгнул из кожи,
Неустанно исполняя труд честной.

Но ласкает глаз и душу свежей зеленью опушка,
Звезды лилий распускаются у ног,
И веселые лягушки будят пением речушку,
И совсем неважно – кем же быть я мог.
А когда над темным лесом простирается сиянье,
Разрисовывая неба полотно,
Я могу улечься в клевер, слушать мерное журчанье —
Это лучшее, что Господом дано.

В сосняке глухарь токует, в речке плещутся форели,
Кугуара след змеится на снегу,
И зарянки на рассвете нескончаемые трели —
Эту землю я покинуть не смогу,
Ибо знаю, что мечтал бы о бревенчатой хибарке,
Той, где к стенам нежно ластится вьюнок,
Прокаженные столицы, озабоченные лица —
Эта жизнь мне не по сердцу и не впрок.

Бедолагой назовите и отправьте вон из Сити,
Дайте волю – да немного в кошельке,
«К искушениям Фортуны равнодушен он,» – скажите —
«Он не наш – и пусть гуляет налегке».
Я не ваш: давно знакомы мне морозные объятья,
Тропы дальние, походный бивуак;
Клятву верности природе я – за подписью с печатью —
Подтверждаю головой. Да будет так.

Перевод Ю. Лукача

Белое отребье

На приисках нынче получка, и к нам спускается весь сброд
Прожечь свой доходец вечерком, и скво я беру в оборот,
И та, с красной лентою в волосах, устало в город бредет.

Вернется к утру, шатаясь, она, бутылками звеня:
Одна – для себя, чтобы стыд потопить, другие *две* – для меня,
Чтоб в голову хмель ударил мне, память о прошлом гоня,

Чтоб я о позорном собачьем клейме намертво позабыл,
Чтоб стерлись из памяти то лицо, которое я любил,
И то презренье, что ныне ко мне даже чинук затаил.

О, скрыл я прекрасно тайну свою! Им-то и невдомек,
Что ныне тот, кто как жулик врет по-местному, под хмелек,
Латынь изучал и греков стихи мог читать назубок.

А ведь я премией был награжден, колледж мой гордился мной,
Я стал адвокат, друзей приобрел – но ждал меня путь кривой,
Там грянул развод, я бросил дела и «сгинул» за Плэйт-рекой.

Но я еще жив, пусть с легким одним и нечего временить,
Надеюсь, что в этом же году, даст Бог, удастся свалить,
И некому, кроме моей тощей скво, слезу по мне пролить.

Вернется к утру она, близок тот час, становится все светлей —
Заря как блуждающий огонь среди ночи нужды и скорбей;
А вон и она меж сосен – сквозь снег к дому спешит скорей.

Перевод В. Вотрина

Тесный старый бревенчатый домик

Если кто-то однажды приплёлся в городишко у края земли,
А в карманах сплошные дыры, нипочём не достать денег,
И ночлега сыскать не может – парень крепко сидит на мели,
И шатается, будто под мухой, – с голодухи ноги дрожат;
И когда на душе тоскливо, и провис до земли ремень,
И лицо вконец посерело – смерть, видать, уже на носу, —
Вот тогда он мечтает вернуться – ненадолго, ну хоть на день —
В тесный старый бревенчатый домик, что стоит в сосновом лесу.

Если кто-то один в пустыне, и во фляге его – дыра,
Он ползет, как будто улитка, и безумен стеклянный взгляд,
А язык почернел и раздулся – извела беднягу жара,
До воды никак не добраться, и по следу грифы летят;
И когда истошатся проклятья, и прольется горе слезой,
Он увидит усмешку Смерти, счет своим поведет грехам, —
Вот тогда он захочет обратно, в дом, увитый дикой лозой,
В тесный старый бревенчатый домик, чтобы с жизнью расстаться там.

Тесный старый бревенчатый домик – путеводный желанный знак
Для того, кто не знал закона, для того, кто припёрт к стене,
Для того, кто никем не понят, кто бредет наугад сквозь мрак,
Кто устал от людских проклятий и мечтает о вечном сне!
В горький час твоего заката этот дом на краю земли
Пред тобою на миг предстанет – не в тумане, а на свету,
Ты услышишь матери голос и увидишь ее вдали —
И тогда будешь рад кончине и без страха сойдёшь в темноту;
Станешь снова ее ребёнком и прижмёшься к груди ее,
И найдёшь в прибежище этом вечный отдых, любовь, забытьё.

Перевод С. Шоргина

Младший сын

Коль из лондонского мрака ты отправишься туда,
Где, во всём, помимо флага, новизна, —
Встретит парень загорелый: у него рука тверда,
А душа для всех открыта и честна.
Это – брат, что был тобою по причине тесноты
Прочь отослан. В новых землях он живет
И теперь вполне доволен, что его отправил ты,
Здесь, за морем, он – Британии оплот.

В час, когда большое стадо покидает свой загон,
Золотятся травы (только рассвело),
И по лагерю несется шум и гам со всех сторон —
Брат твой младший лихо прыгает в седло.
Он по прериям помчится, по долинам и холмам —
Резвый конь обгонит всякого шутя;
А когда наступит время гаснуть в лагере кострам —
Он уснет под звёздным небом как дитя.

В час, когда жара сгустится над просторами равнин,
Обопрется на тяжёлый заступ он —
И услышит из акаций, из ветвей казуарин
В полдень птицы-колокольчика трезвон.
Попугаев усыпила австралийская жара,
Ждет прохлады эвкалиптов сонный строй...
Но роса блеснет алмазом – и тогда придет пора
Возвращаться в тихий домик под горой.

Склон, увитый виноградом, серебристой речки сон;
Розы ждут у дома, душу веселя;
Пик могучий Винтерберга, что снегами занесён;
Это – Капская пустынная земля.
Апельсиновая роща, лилий дивный аромат.
Тлеет трубка. Подступает темнота.
Две девчушки на коленях у отца, смеясь, сидят:
Эта – лилии подобна, розе – та.

На лугах новозеландских он пасет овец стада;
А в Ванкувере, где скалы без числа,
У него уже с рассвета начинается страда,
Чтоб крепка и здесь Империя была.
Он – в трудах везде и всюду, и в заботах, и в борьбе,
Он – природы сын, свободен и силён,
Видишь: преданное сердце открывает он тебе,
Через море шлет тебе почтенье он.

Брат один твой служит Церкви, а другой твой брат – солдат,
Третий – в чине полномочного посла...
Но отправлен почему-то был в изгнание младший брат;
Впрочем, нынче хороши его дела.
Нет в нём зависти и злобы, любит он семью и дом,
Любит землю – ту, что им покорена;
Вечно Англии величье! И когда-нибудь потом
Сына Младшего благословит страна.

Перевод С. Шоргина

Марш мертвецов

Когда войне настал конец – вот радость-то была!
Солдат – домой! Мы все рыдали хором.
Полотнищами алыми вся улица цвела,
И поспешал оркестр за дирижером.
Знамена по-над крышами, колокола гремят,
Безумны триумфальные напевы.
И каждый встречный глотку драл, приветствуя солдат,
Сражавшихся во славу Королевы.

И вдруг все принахмурилось – как туча наплыла,
Мягка, смутна, печальна и сурова.
Знамена не трепещут, и молчат колокола.
Притихли мы, не вымолвив ни слова.
И небо над столицей окутал серый мрак,
И вещей глас пронесся над сердцами:
«Скорбите, оглашенные, вздымайте черный стяг!
Они грядут – проститесь с Мертвецами!»

И шли они за рядом ряд, худы, измождены,
Нещадно покалечены и сиры,
Изранены, измазаны, тоской глаза полны,
И пулями прострочены мундиры.
Нахмурены, насуплены, в губах кровинки нет;
Походный строй шатало и ломало —
Но пели, оставляя за собой кровавый след,
И песня та до дрожи пронимала.

«В просторах Южной Африки нашли мы смерть и гроб,
Чтоб нынче вы от радости орали.
Магерсфонтейн, Колензо, проклятый Спидон-Коп —
За них мы, как один, поумирали.
Победе той назначена кровавая цена.
Восславьте нас за боль и за страданья.
Ужель награда нам одна – могилы глубина?
Вы все в долгу, и нет ему списанья».

Толпу омыло холодом, примолкли языки,
Лег на сердца ледок незримых пальцев,
И молча люд таранился на мертвые полки,
На строй неуспокоенных страдальцев.
Страшны издевки Мертвецов, и топот тысяч ног,
И блеск зубов, и сумрачное пенье.
Глаза я в ужасе прикрыл – я видеть их не мог.
Открыл – и понял: это лишь виденье.

Гремит, сияет торжество; плывет в морях цветов
Ребячливо-безумная столица;
Все флагами завешано с подвалов до крестов,
И колокольный звон гудит и длится.
Огни, веселье, музыка; мы топчемся в пыли —
И шепчем среди праздничного грома:
О Боже милосердный, позабыть нам не вели
Солдат, которых не дождутся дома.

Перевод А. Кроткова

Мак-боец Трагедия одной жизни⁴

Тот громкий выстрел всё гремит по миру,
А воин пал, бесчестием сражен.
Последний бой седого командира,
Последний вызов смерти бросил он.
Ему всегда был смертный страх смешон,
Но он не вынес этого позора.

Париж окно расцветивал закатом,
А он ходил по комнате, ходил;
Предчувствуя, как бессердечный фатум
Накроет славу тенью черных крыл,
Усталым сердцем Господа молил:
«О, дай мне сил, как следует бойцу,
Бесчестье повстречать лицом к лицу».

* * *

Ручьи в кустах журчали неустанно,
Жужжали пчелы в вереске густом;
И видит он босого мальчугана,
Что раскрывает легендарный том,
Бежит по полю с огненным крестом,
Сжимает клеймор⁵, с пиброхом⁶ в ладу,
Чьи родичи – Роб Рой и Родрик Ду⁷.

Учившийся купеческой науке,
Он тяготился лямкой трудовой,
И вот однажды загремели звуки —
По улице шагал хайлендский⁸ строй,
Волынок вой и барабанов бой:
«Марш, Гордоны, на адские задворки!»
И он навек ушел из-за конторки.

Он видит блеск афганских ледников,

⁴ Стихотворение посвящено памяти сэра Гектора Арчибальда Макдональда (1853–1903), который покончил с собой в парижской гостинице, прочтя в газете обвинение в гомосексуализме. Макдональд, прошедший путь от рядового до генерал-майора и заслуживший прозвище Мак-боец, был одним из самых выдающихся военачальников британской армии.

⁵ Клеймор – палаш шотландских горцев.

⁶ Пиброх – тема с вариациями для волынки.

⁷ Роб Рой – герой одноименного романа В. Скотта, Родрик Ду – герой поэмы В. Скотта «Дева озера».

⁸ Гордонский хайлендский полк, элитное шотландское подразделение британской армии.

И вспоминает, как в теснине горной,
Напав на затаившихся врагов,
Он их разил в баталии упорной;
И в памяти всплывает плен позорный,
Как он стоял, упрямо стиснув зубы,
В тот страшный день среди холмов Маждубы⁹.

Перед глазами бешеный Судан,
Где крови было пролито немало,
И обуянный зноем Омдурман¹⁰,
Магерсфонтейн¹¹, где слава увенчала
Его мечом и чином генерала¹²,
И был он зван монархом во дворец
За почестями – а теперь конец.

И снова вспышки разрезают тьму,
И вновь над головою свист шрапнели,
И падают товарищи в дыму —
Зачем он не погиб при том обстреле,
Как Ваухоп¹³ отважный. Неужели,
Чтоб прочесть чудовищный навет?
И он к виску подносит пистолет.

* * *

Его глаза, не ведавшие страха,
В домах шотландских щурятся со стен,
Живет он в сердце каждого феллаха,
Для гуркха он доселе незабвен,
И дикий дервиш чтит его, смятен.
В далеких странах память сохранила
Того, в ком воплотилась наша сила.

Оплачьте же героя, северяне!
Он Англии был преданный слуга,
И потому пусть об его изъяне
Злонравная судачит мелюзга.
Был острым меч и крепкою рука,

⁹ В битве при Маждубе (1881 г.) отряд шотландцев был наголову разбит бурами. Макдональд попал в плен, но через несколько дней был освобожден главнокомандующим армии буров Петрусом Жубером в знак уважения к его мужеству и заслугам.

¹⁰ В битве при Омдурмане против суданских дервишей (1898 г.) Макдональд командовал бригадой, решившей победоносный исход сражения.

¹¹ Неудачная атака англичан при Магерсфонтейне (1899 г.), в которой атакующие понесли огромные потери, но позиции буров остались непоколебимыми.

¹² В 1900 г. Макдональд получил звание генерал-майора, в 1901 г. был пожалован в рыцари.

¹³ Генерал-майор Э. Г. Ваухоп погиб в сражении при Магерсфонтейне.

Его деяний эхо слышно людям.
А остальное... лучше позабудем.

Перевод Ю. Лукача

Женщина и ангел

От блужданий по райским кущам утомился небесный Дух.
Струны арфы его умолкли, и сияющий нимб потух.
И тогда всеблагой Создатель к утомлённому снизошёл:
Да низринется с горних высей в нижний мир, в человеческий дол.

Дух одежды свои расправил, чтоб сошли за земной наряд.
Со святым Петром попрощался у распахнутых райских врат.
Гласов ангельских хор бесплотный спел прощальный псалом ему.
Снизу пялились бесенята сквозь густую адскую тьму.

Златовласый, небесноглазый – красотой он всех затмевал.
Перед ярким ангельским ликом Аполлон – и тот спасовал.
Как изгиб Купидонова лука, был рисунок губ его смел.

Бабы липли к нему, как мухи – только он на них не глядел.
Но одна отыскалась всё же – хороша, свежа, молода.
Прошептала: «Я тебе нравлюсь?» Он смятенно ответил: «Да».
«Обними, поцелуй, потискай – да возьми меня, что стоишь?»
Он в ответ с неприязнью молвил: «Ты греховное говоришь».

Посмеявшись его стесненью, попрекнула она шутя:
«С виду молодец ты что надо, а лепечешь будто дитя.
Обносилось старое платье, путы скинуты – это ж смех!
Пусть святоши-старцы толкуют, что есть Благо, а что есть Грех!»

И тогда Господь, убоявшись, отозвал посланца небес:
Искушенья не знает Ангел, а поди ж ты – попутал бес!
И запел Сатана, ликуя, загоня рефрен в стихи:
«Да вовеки не разлучатся Добродетели и Грехи!»

Перевод А. Кроткова

Утешение

У тебя сплошные беды:
Ни работы, ни жены,
Никому ты стал не нужен,
Спину ломит, сны дурны,
Жизнь исчерпана до донца,
Мог бы – в гроб живьем залез,
Но тебе остались солнце
И лазурь небес.

Это небо голубое,
Словно райские врата,
Жар полуденного зноя,
Темной ночи немота,
Птичье пенье, пчел гуденье,
Перелески и ручьи,
Ключ студеный, луг зеленый —
Не хандри, они твои.

И никто не в силах это
У тебя отнять, браток,
Даже если ты измучен,
Беден, болен, одинок.
Оборванец ты недужный,
Но зазря не сквернословь:
У тебя есть всё, что нужно —
Бог с тобой, и Он – любовь.

Перевод Ю. Лукача

Песня непосед

Не манил нас правоведческий диплом,
Не сиделось нам в конторе за столом,
Кровь кипела в наших жилах – ей противиться не в силах,
Потонули мы в разгуле удалом.
Жизнь катилась и азартна, и лиха,
Подсыпал нам дьявол перцу в потроха,
И отправили семейства, видя эти лихосудейства,
Нас подальше от себя и от греха.

Нам пришлось покинуть наши города,
Погрузиться на заморские суда,
Но нисколько не страшила
Нас далекая могила —
Мы с отчизной распрощались навсегда.

То по горным кручам тащим свой рюкзак,
То в саванне разбиваем бивуак,
Без труда вы нас найдете и в пустыне, и в болоте,
Всюду там следы оставил наш башмак.

Мы – свободы вековечные рабы,
Не объезжены, бесстыжи и грубы,
Но найдется много чтящих нас в любых дремучих чащах —
Мы, как воины, готовы для борьбы.

Мы шагаем в темноту без пышных фраз,
Только горести – морщинами у глаз,
Мы живучи, словно кошки,
Безрассудны, не сторожки,
И со смертью танцевали мы не раз.

Ищем золото среди северного льда
И пасем на юге тучные стада,
Крепким балуемся ромом и уходим с крепким словом
В час, когда к концу приходит чехарда.
Мы идем по жизни смыслу вопреки,
Мы грешны, но наши плечи широки,
Чтобы вынести укоры, ждут нас прерии и горы,
В городах мы просто сдохнем от тоски.

Даже время нас не сдвинет ни на пядь,
Наше бремя это, наша благодать;
Мы останемся такими —
Позабудьте наше имя —
Нас не стоит ни любить, ни вспоминать.

Перевод Ю. Лукача

Канун Нового года

Лютует стужа сегодня в порту, у пирса море ревет,
Во мраке волны ломают мол, свистит и хлещет метель...
По снегу и льду я еле бреду... Кончается старый год...
Я болен и слаб, и мой корабль давно уже сел на мель.
В салуне Мак-Гаффи грохот и звон, там весело и тепло.
Во рту у меня ни крошки с утра, от слабости ноги дрожат!
Зайду в салун, подремлю в углу тоске-печали назло.
Глядишь, нальет глоток от щедрот кто-нибудь из ребят...
Парням забава: «Эй, пьянь-халява, ползи уж, коли ползешь!»
«Выпьешь?» – спросят. «Благодарю. Я выпить, и впрямь, не
прочь!»
Кто я? Пропахший ромом урод – для пьяных шуток хорош...
Разбитый бот, потерявший грот в эту веселую ночь.
Мак-Гаффи показывает юнцам, как с правой Фитцсиммонс бил,
Толкует бармен про Таммани-Холл, опять у «ослов» скандал...
Скорей под шумок присесть в закуток... Совсем не осталось сил,
И кружится комнаты карусель... О, Боже, как я устал!

* * *

Букетик роз у нее на груди... Был сладок их аромат!
Под сенью низко склоненных пальм стояла наша скамья,
Играли Штрауса, и лилась прохлада в наш зимний сад,
Коснувшись тонкой ее руки, в любви ей признался я.
И замер смех у нее на губах, ко мне склонилась она...
В ее огромных темных глазах увидел я райский свет!
Бежали мгновения, я молчал, она была смущена...
И алую розу, сорвав с груди, мне подала в ответ.
И громче вальс зазвучал в ночи, и стало светло, как днем,
Я обнял ее и поцеловал, и мир был для нас одних...
«Она моя, моя навсегда!» – гремели в сердце моем
Все новогодние колокола... Я все еще слышу их!
Ужели забуду последний вальс и скрипки горестный стон?
Ужели не вспомню прощанья час и очи, полные слез?
Ужель не вернется сон золотой, святой беспечальный сон
О долгой-долгой жизни вдвоем в долине счастливых грез?
Я все растерял на своем пути, прости меня, Этель, прости!
Увяла алая роза твоя еще полвека назад...
О, лучше тысячу раз умереть, чем все это вновь пройти.
Я грешен, Этель, я пал на дно... Я плачу, Господи свят!
Но что это? Снова колокола? Иль это гремит прибор?
Ты видишь, Этель? Вот я стою – и будто предан суду...
И строг Судия, и шепчу ему я: «Господь, я чист пред тобой!»

О, Этель, ты слышишь колокола? Встречай меня, я иду!

* * *

«Вставай, приятель – полночь проспичь! Не дело спать по углам...
Эй, хобо, ты слышишь меня? Очнись! Глаза открой, наконец!
Хлебни глоток за новый годок и двигай себе к дверям...
Возьми вот ломоть... Помилуй, Господь! Эй, парни, да он –
мертвец...»

Перевод Никиты Винокурова

Гарпия¹⁴

Жила-была женщина. Многих она мудростью превзошла.
Совсем молода, но годы стыда выжгли ей душу дотла.
Насквозь, назубок – сподобил же Бог – ведала Книгу Зла.

«Ни на земле, ни в небесах надежда мне не дана.
Не узнав любви, проживу и умру – выпью чашу до дна.
Шлюха грешная, тварь кромешная, милости лишена.

Я щеки румяню – гулящей пьяни не нравится бледный вид.
Глотну винца для цвета лица – и сразу клиент засопит.
Сажусь, как и встарь, под красный фонарь, что у двери висит.

Нетрезвый народ ко мне так и прёт – поток мужей и сынов.
Все ваши сыны мною презрены: я видела их без штанов.
Злодейка-судьба со мною груба, и промысел мой не нов.

Жизнь не свернёшь, не подомнёшь, не сладишь наверняка.
Хоть вон из кожи, но будет всё же бабья доля горька:
Влезать в ярмо, подтирать дерьмо, лстыть прихотям сопляка.

Он хочет – ляжешь, и слова не скажешь: глаза у него горят.
Любовью надо бы одарять – я сдаю её напрокат.
И жизни моей любовный наряд забрызган грязью до пят.

Бывает, он решит, что влюблён: мужчина в любви – дурак.
Ласкай – но в душу к себе не пускай, сердце зажми в кулак.
Остынет – покинет и бровью не двинет. Со мною случилось так.

От робкой ласки до адской встряски – один воробьиный скок.
В кольце обручальном и звоне венчальном горестный скрыт
намёк.

Крепко любить – себя погубить. Усвоен этот урок.

Не знаю, волчица или тигрица – но я добычей живу.
Русалочьим пенъем, змеиным шипеньем – сполна своё оторву.
Бархатной лапкой, когтистой хваткой, во сне или наяву.

Знаю с юных лет: истины нет – одна сатанинская ложь.
Людская кровь залила алтари, и тяжёк жертвенный нож.
Иначе – никак. Мужчина – слабак. Этим не попрекнёшь.

¹⁴ Гарпии – древнеэллинические божества доолимпийского пантеона, полуженщины-полуптицы с омерзительной наружностью и злобным нравом. Имели обыкновение похищать детей. Английские моралисты-пуритане XVII – первой половины XVIII вв., рассуждавшие о «борьбе с развратом» и «падении нравов» в манере античной риторики, называли гарпиями проституток. Потомки пуритан, т. е. люди из поколения Роберта Сервиса, получившие классическое британское образование, легко расшифровывали коннотацию и понимали намек, вложенный в название стихотворения.

Мне – стыд нести, другие – в чести; за что, зачем, почему?
Господь Всех Сил меня заклеил. Волю Его приму.
Един лишь Он – суд и закон. И я покорюсь Ему».

Странная пьеса «Людские Сердца» судьбою сочинена.
Сцена – жизнь. Женщине в ней роль шута отдана.
Зал переполнен. Публика ждёт. Суфлирует Сатана.

Перевод А. Кроткова

Предупреждение

Лишь год миновал с той поры ночной
(О, мне никогда не забыть о том!) —
Мы были вдвоём под полной луной,
Ее голосок звенел серебром.
Но – мрак подступил, луну темня,
Но – страх охватил меня в этот миг:
Я чувствовал: призрак возле меня,
Я видел провалы глазниц пустых.

То был лишь мираж: любовь моя
Глядела в лицо мне, тепла полна,
Она удивилась, что вздрогнул я,
Что губы белы, рука холодна.
...Да, год миновал. Под ущербной луной —
Угрюмой, как призрак в жестоком сне, —
Стою пред могилой... прощаюсь с тобой...
И всё, что я помню, так странно мне...

Перевод С. Шоргина

Бродяги

Дружище, помнишь, как с тобой мы тут вдвоем бродили,
Как пели, пили и дрались, и каждый день был нов;
Весь мир лежал у наших ног, и мы топтали мили,
И шли путем Куда-Нибудь, не ведая оков.

Мы шли путем Куда-Нибудь в предчувствии веселом,
И время было нам слугой, и жизнь была игрой;
Рассвет нам души омывал янтарным ореолом
На том пути Куда-Нибудь – ты помнишь ли, друг мой?

Увы! был полон этот путь ловушек и капканов:
Там ждали голод и нужда – и все же был я рад
Не знать хозяев над собой, не строить долгих планов,
Шагать мечте своей вослед, упрямо, наугад.
Мы шли путем Куда-Нибудь, чудным путем Куда-Нибудь,
Шальным путем Куда-Нибудь – так много лет назад.

Перевод Ю. Лукача

Посылка

Те, кто вовек не ныл,
Те, кто пытал судьбу,
Те, кто вынослив был,
Те, кто любил борьбу:
Я вам напомнил вслух
Прошлых годов мороз —
Жестче ухмылок шлюх,
Горше сокрытых слез.

Не вызываю смех,
Не веселю души;
Сагу пою о тех,
Кто погибал в глуши,
Дергал судьбу за хвост,
Яростно шел вперед —
Дети полярных звезд,
Севера дикий сброд.

Многих азарт завлек
В эти края во льдах,
Чтоб преподать урок:
Даже победа – крах.
Наст снеговой топчи
И продолжай шагать,
Чтобы в глухой ночи
Верить и побеждать.

Пустошей плугари,
Где не собрать зерна,
Сыгравшие на пари,
Наказанные сполна,
К вам пролагает путь
Песен моих лыжня.
Я в них не солгал ничуть —
Бог даст вам понять меня.

Перевод Ю. Лукача

Второй сборник «Баллады чечако»

Человеку Дальнего Севера

Бывает, стих мой – грубый, не жеманный —
Возьмет и ускользнет в моря мечты,
Волшебный звон эльфийский слышу странный,
Блеснут в глазах Аркадских рощ цветы.

Раб Красоты, – люблюсь, видя горы
В короне снежной, выше – звезд не счесть;
Но в хижину мою ползут, как воры,
Все отзвуки Того, Что Рядом Есть.

Здесь и Сейчас – безбрежно Запустенье;
Бред золотой, смертельная борьба;
Пороков, злобы цепкое плетенье;
Рваньем убогим латана судьба.

Бессчетный люд, по руслам безымянным
К безвестной смерти среди лощин глухих
Идет навстречу тайнам окаянным
Страны полярной, поманившей их.

О вас пою, и если кто над строчкой
Моей помедлит, сидя в злую Ночь,
И загубевшим пальцем ставя точку,
«В десятку, – скажет, – он сумел помочь»;
Ну что ж, решу, не жалко мне труда;
Довольный, помечтать смогу тогда.

Перевод Е. Кистеровой

Мужчины Севера

Мужчины Севера, над вами островами
Плывут опалы, серебра моря,
И в искрометной пляске бьется пламя
Живого золота и янтаря.
Как на совете, гор крутые пики
Сидят вождями древними кругом,
А далеко внизу Юкон великий
Живым отсвечивает серебром.

Мужчины Севера, вам дорог не по слухам
Суровый край, чей в сердце врезан след.
Он наградил вас непреклонным духом
И памятью триумфов и побед.
Где ваши беды? Где ваши напасти?
На свалке, в грязной груди барахла!
Зато в душе – азартных схваток счастье,
Где вас рука Господня берегла.

Вас заманил сюда волшебный зов наживы,
И вы дрались, рискуя и круша.
Вам повезло, и вы остались живы —
К Вершине Мира вознеслась душа.
На сложенной из лапника постели,
Вы спали, как в раю, без задних ног
И, обжигая кожу, руки грели,
Следя, как закипает котелок.

Несет по насту вас упряжка удалая,
Чей лай и до сих пор в ушах не смолк,
И вы – как царь заснеженного края,
Чьи подданные – и медведь, и волк.
Вы властелин земли непокорённой,
Вам горы – трон, а ваш кортеж – река.
Вам лось трубит, и небосвод бездонный
Звезду вам дарит вместо ночника.

Милы вам сумеречные, седые дали.
Там ваши руки сковывала сталь,
Там вы, ломая карты, банк срывали
И, всё теряя, шли бесстрашно вдаль.
Так славьте Север, что, щадя и рняя,
Как равного, вас обнимал и бил,
Короной вас венчал и гнул, тираня...
Достоин власти – кто подвластен был.

Мужчины Севера, вам благодарны кручи,
Юкон вас лижет языком струи.
Вас небо укрывает пледом тучи,
Надев алмазы броские свои.
Свобода научила вас бороться,
Над слабаками вознеся до звёзд.
Так пусть над миром в честь первопроходца
Летит свободно этот гордый тост!

Перевод Б. Косенкова

Баллада о Северном сиянии

Я – банкрот, приятель, я гол, как сокол, а когда-то с лотком и киркой

Я пришел на Юкон и свой миллион добыл вот этой рукой.
С отмороженной рожей, с изъеденной кожей – какие у мертвецов,
Я совсем не похож на тех, кто вхож в узкие двери дворцов.
Рыцарь Полой иглы, мастер тонкой игры, похититель подземных чудес...

Этот мир срыгнул меня как кусок, который в глотку не лез.
Вот он я – оборванец, слепой горбун, мои карты лежат на столе...
Засмеете – пусть, только я клянусь: я богаче всех на земле!

Я не пьян, приятель, не съехал с тропы, никого не хочу учить,
Просто дайте срок размотать клубок, ну и глотку чуток промочить.
Господи, прости, словно извести я наелся – чего б глотнуть?
Вот спасибо, браток, за этот глоток, а слышал ты про Северный путь?
Про морозную глушь, про червонный куш, что немало душ погубил,
И про дивную россыпь небесных огней? Эту россыпь я застолбил!

Помню тот переход, тот дьявольский год – золотой девяносто восьмой:
Мир попер, как чумной, за великой мечтой, запах жизни почуяв самой.
Заиграла кровь старых сорвиголов, свежий ветер ударил в грудь,
И любой, кто мог удержать лоток, поднимался и трогался в путь.
Вот и я был с ними, одним из них, и я знал, что не подведу.
Что глядеть на меня? Я был другим в девяносто восьмом году.

Шла по льду толпа, и вилась тропа, будто черт торил наугад,
Колея для нарт шириною в ярд и клеймо на ней с именем «Ад».
Бросив жен и кров, мы рвались на зов, наши ставки шли на предел,
Мы плевали на тех, кто садился в снег, и назад никто не глядел.
Кто-то ныл и выл, и молитву творил, ну а кто-то был зол и нем,
И кто был нехорош, стоил трех святош, и мерещилось золото всем.

Там был Даго-мальш и Олсон-моряк, и при них многогрешный аз.
Нарекли остряки из отпетых бродяг «нечестивой тройцей» нас.
Мы не козыри были, скорее – снос, вечно в шрамах и навеселе,
Черти старой закваски, под небом Аляски мы варились в одном котле.

Мы хотели выжить и шли вперед, и сметали все на пути.
Мы играли честно, на жизнь и смерть – нам должно было повезти.
И пришел наш день, мы сорвали банк, отыскав золотое дно,
Но от денег, баб и других забав к той поре мы отвыкли давно.

Одичавшие псы, мы тянули носы, словно звери к теплу из тайги,
И от запаха девок, вина и белья в небеса уносило мозги.
Город это капкан для таких, как мы, ну а золото будит спесь:
Ты не хочешь часть, хочешь все и власть, это все ты получишь
здесь.

По колено в воде копать в руде – это было уже не про нас,
Лучше золото сыпать на груди блядей и идти с танцорками в пляс.
Промотавшись в пух, потерявши нюх, мы совсем с катушек сошли,
И, продав рудник, еще через миг очутились вконец на мели.

Тут пришел ко мне Даго-мальш и сказал, что была ему весть в эту
ночь...

От двоюродной бабки – она померла, но явилась во сне помочь;
И велела она на север идти, там тропа для диких зверей:
Мы пойдем той тропой за Полярной звездой, и судьба будет к нам
добрей...

Я послал его к черту, но тут ко мне Оле Олсон пришел и сказал,
Что племянника мертвого видел во сне, тот в три года жить
приказал;

Из толпы мертвецов племянник кричал о пути, что на север ведет
И упрется торцом за полярным кольцом в небывалый
бриллиантовый грот.

Я погнал его прочь, но в ту же ночь мне приснился двоюродный
брат,

Он сказал мне, что вскоре у Полярного моря я найду невиданный
клад.

Надо только пойти по лосиной тропе в долину, где правит смерть,
И по склону хребта спуститься туда, где встречаются море и
твердь.

Разбудив дружков, я сказал, что готов на серебряном клясться
Цепу,

Что это Рок, и пришел нам срок – искать золотую тропу.

И вновь мы укрылись в родной глуши, звери с душой детей...

Льдины крошились, как карандаши, с хрустом медвежьих костей,
Река тащила нас на горбу, а солнце, как на костре,

Сжигало тьму, и песни ему орала мы на заре.

Мы шли на шесте и на бечеве, и волоком через холмы,

Мы лодку сожгли, чтоб гвозди добыть, и новую сделали мы.

Мы на ощупь путь выбирали свой, в тумане кружа наугад,

Мы видели белым полярным днем нескончаемый солнца закат,

Протоку, где хариус тучей кишел, утеса узкий карниз,

Где бились бараны, и сбитый летел с тропы вертикально вниз,

Затон, где лось охлаждал свой пыл, забравшись по брюхо в грязь,

Скалу, с которой угрюмый медведь глядел на нас, не таясь.

Сквозь пену каньона мы плыли вперед, наш путь был ясен и
прост —

Туда, где клыкастые морды гор рычали на стадо звезд.

Весна и лето, и осень прошли, жирный блеск покрыл небеса,

А мы все на север, на север брели, сквозь скалы и сквозь леса.

Была надежда, как ночь, слепа, и все-таки пробил час,
И нам открылась наша тропа – Господь не оставил нас:
Кровавыми язвами на ногах, душой, уставшей от бед,
Нащупали мы на мшелых камнях неприметный лосиный след.
И солнце блеснуло свинцом из тьмы, и снова сгустилась мгла
Луна, голодная, как и мы, качаясь, над нами плыла.
Стояла мертвая тишина – мы боялись ее спугнуть:
Оглохшему уху была слышна нездешнего мира жуть.

Придя в себя и отбросив страх, мы стали готовить ночлег,
И вдруг увидели в небесах огней серебряный бег:
Бесшумно они плясали в ночи, блестя сквозь желтый туман,
Как женские ножки, мелькали лучи в тени небесных полян,
И длился, длился их котильон, рождая в душе экстаз,
И мы смотрели, не зная, что он – только для Божьих глаз.
Забыли мы золотой свой сон, задумав иную блажь —
Найти небесный этот огонь, чтобы стал он навеки наш.

Край тундры палево-золотой был словно кровью облит,
На кочках ягель мерцал седой, как мрамор могильных плит.
По ним, меж ними, вперед, в обход – тропа уводила прочь,
И ужас, будто могильный грот, томил наши души всю ночь.
Дрожало небо живым огнем лиловым и голубым,
Опалом, яхонтом, янтарем с мерцанием золотым,
И вдруг – черта на своде ночном, как будто чей-то клинок,
Блестя сталью и серебром, его пополам рассек;
И словно конный отряд пролетел, знамена пронес во мгле,
Мечи сверкнули, и тучи стрел, горя, понеслись к земле.
На камни в ужасе рухнули мы, узрев, как духи огня,
Сошлись на поле небесной тьмы, друг друга разя и гоня.

И дальше пошли мы в рассветный час, болота кончились вдруг,
Туман предгорий окутал нас и небо, и лес вокруг.
По дну ущелья меж тесных скал отныне лежал наш путь,
Земля как будто, разинув пасть, забыла ее сомкнуть,
Набрякшие тучи роняли снег, с вершин спустилась зима,
И все на свете смешала вмиг метельная кутерьма.

Все выше нас уводила тропа по скользким ступеням скал,
И скоро влезли мы на ледник, ведущий на перевал,
Тут Даго-малыш сорвался вниз – лед занесло пургой,
Мы вытащили его живым, но с перебитой ногой.
Он сказал нам: «Парни, ноге – конец, а вместе с ногой и мне,
Но это бред идти на тот свет нам всем по моей вине.
Валите, куда тропа видна, оставьте меня одного...»
Он злился и бредил, но мы, все равно, выхаживали его.
Однажды вижу, он смотрит в костер, и – мой револьвер у виска:

«Гляди, – усмехнувшись, сказал он мне, – если кишка тонка...»

Мы зашили его в холщовый мешок и подвесили на суку,
Нам звезды глаза искололи до слез, нагнав на сердце тоску.
Мы шагали молча, и страх и боль зажав глубоко в груди,
И снова северные огни, мерцая, шли впереди,
И снова свой ледяной балет плясали они на снегу
И словно огненный водоворот плескался в черном кругу.
Зеленый, розовый, голубой – как будто веер блистал,
Лучи невиданной красоты струил незримый кристалл,
Шипящие змеи свивались клубком и выгибались мостом,
В горящем небе огромный дракон раздвоенным бил хвостом...
Не в силах глаз от небес оторвать, глядели мы в горний провал:
А там, в пещере вечного зла ужасный дух пировал.

Когда к седловине по леднику мы вышли, тут на беду
Вступило Олсону что-то в башку – он стал бормотать на ходу.
Он брел и бубнил про родной Орегон, про персики, что зацвели,
Про леса, про топазовые небеса и запах мокрой земли,
Про грехи бездарной жизни своей, что вовек не простит ему Бог...
Как лис за косым, следил я за ним, понимая, что он уже плох.
Однажды, казалось мне, что он спит, а он из палатки исчез,
И свежий след по снегу пробит куда-то под край небес;
И я пошел по его следам и к вечеру отыскал:
На льду, как младенец, он голым лежал – закапывать я не стал.

Я гнал отчаянье от себя, не чуя, что пью, что ем.
Я цеплялся за жизнь из последних сил, уже не зная – зачем.
Я волок поклажу по миле в день, и к ночи валился с ног,
И мир вокруг был к печалям глух, как вечного льда кусок.
И дни были все, как смерть, черны, но вновь в промерзлой ночи
Я видел сиянье, и каждый раз все ближе были лучи.

С бесшумным шорохом, словно шелк, когда его гладишь легко,
Разлило небо темным ковшом тягучее молоко.
Из мрака вихрем в полярный круг внеслась череда колесниц,
И разом покрыли небо вокруг лиловые всполохи спиц.
Из темного чрева морей возник сверкающий копий лес,
Как будто всех кораблей огни уставились в купол небес.
И я застыл с разинутым ртом, дойдя до вершин земли:
Пред этим величием я был никто, пучеглазый краб на мели...
Глаза мне обжег слепящий поток, но я и сквозь капюшон,
Казалось, видел сверкающий сон – и был им заморожен.

Там есть огромный дырявый холм, как раз, где полярный круг.
Я влез по склону и заглянул в кратер его, как в люк.
А кратер, браток, точно ад глубок, никому на земле незрим,
Я тайну полярного мира узнал, когда склонился над ним.
Моим воспаленным, ослепшим очам открыли недра секрет:

Там всё сверкало – холм излучал тот самый небесный свет.
Я сверху до низу всё застолбил и собрался в обратный путь,
Я счастлив был, хоть не было сил, и глаза застилала муть.
В том белом мире, где небо молчит, где безмолвны и лед, и снег,
Голодный, больной, я напрасно искал пищу себе и ночлег.
Но, видно, Господь не оставил слепца, к морю его гоня:
Со шхуны, вмерзшей в прибрежный лед, заметили парни меня.
Оборванным пугалом, весь дрожа, я выполз из белой глуши,
Оскал мертвеца вместо лица, ужас вместо души,
Мешок с костями... Они меня подкормили и дали приют;
И вот я вернулся в привычный мир, и сохну от жажды тут.

Одни говорят, что небесный огонь – свечение арктических льдов,
Другие, что это электроток, только без проводов,
А правда в том (и если я лгу, пусть мне вырвут язык),
Что это – радий... такая руда, и там ее целый рудник.
Цена ей, брат, миллион за фунт, я видел – там сотни тонн.
Этим радием по ночам и светится небосклон...
Так вот, я всё уже там застолбил, но ты мне, приятель – в масть,
Всего за сотню, лови свой шанс, бери четвертую часть.
Не хочешь? Десятка – и по рукам! Я вижу, ты парень – хват...
Опять не пойдет? Дрянной оборот, хоть доллар ссуди мне, брат...
Проклятый доллар поможет мне. Я вижу, ты не изувер...
Спасибо, браток, храни тебя Бог! Спокойной вам ночи, сэр.

Перевод Никиты Винокурова

Баллада о шкуре черного лиса

I

Стерва Китти и Айк Гуляка блудили накоротке,
Когда сквозь полярную ночь из мрака чужак спустился к реке.
Прямо в дом втащил он с трудом лисью шкуру в тугом мешке.

Лицом был бел, как крошёный мел, как пена весенних рек.
Что адские угли, горели глаза из-под тёмных набрякших век.
И видно было: уже не жилец – он харкал кровью на снег.

«Такое видали? – спросил он. – Едва ли. Добычу я знатную сгрёб.
Мягка, велика, искрится, лоснится, блестит как чёрный сугроб.
Продам – с одной половинкой лёгких мне хватит монет по гроб.

Чёрный Лис – не лис, он – Демон Зла, – твердили индейцы мне.
Его не убьёшь; по следу пойдёшь – сгоришь в недужном огне.
А я веселился, а я дивился дурацкой их болтовне.

Гляньте на мех – он нежен, как грех, чёрен, как дьяволов зад.
Взыграла кровь: капкан или дробь – но Лис будет мною взят,
Вблизи, вдали, на краю земли, в метель или в снегопад.

Тот Лис, как вор, был скор и хитёр. Он тешился надо мной.
У ночного огня корёжил меня хохоток его озорной.
Блеск его глаз я видал не раз, а тень его – под сосной.

Догадливый гад – в приманке яд он учуял и тягу дал.
Заряд свинца не достал наглеца – я в гневе навскидку стрелял.
Под мёрзлой луной помыкал он мной, крутил, юлил и петлял.

Я шёл за ним по горам крутым – позвонкам земного хребта,
По ложам долин – их напор лавин выгладил дочиста,
От сумрачных ям – к белёным снегам, в подоблачные врата.

Я видел просторы – в них прятались горы, что глыбы в мелком
пруду.
Тащился по следу, гнал непоседу – и знал, что кругами бреду.
Полгода мотал, ослаб, устал, простыл, дрожал на ходу.

Все силы растратил, стал туп как дятел, и мысли пошли вразброд:
Довольно гоняться, ведь мне не двадцать, пусть мерзкая тварь
живёт.
Глаза с перепугу продрал: он в лачугу запрыгнул – и застил вход.

Я вскинул ствол и в упор навёл на чёрного Демона Зла.
Он дико взвыл – мертвец бы вскочил, – но смерть его нагнала.
И странно: на шкуре ни дыр, ни раны, и кровь совсем не текла.

Вот эдак и кончился Черный Лис, задумка моя сбылась.
Можно чуть-чуть в кружки плеснуть – до света уйду от вас.
Давайте хлебнём в память о том, чья тропка оборвалась».

II

Китти и Айк – подлые твари, как только терпел их Бог.
Ни мертвы, ни живы – всё ждали поживы, забившись в
прибрежный лог.
Ночью песни орали и виски жрали, днем дрыхли без задних ног.

Что видишь воочью полярной-то ночью? И вот – всезнайки
молчат.

Язык на замке у тех, кто в тоске, у тех, по ком плачет ад,
Кто полон скверной; им жупел серный – последняя из наград.

Не спи, будь чуток, лови ход суток, рассчитывай наперёд.
Им в ум взошло твоё барахло, им срок назначен – восход.
За чудную шкурку – лису-чернобурку – баба на кровь рискнёт.

В логове барса – располагайся, он очень достойный зверь.
Верь волчьим клыкам и медвежьим когтям – не всякий раз, так
теперь.

Но шлюхе-бабе с золотыми зубами, улыбке её – не верь!

Кто по алчбе покорился судьбе – законы перешагнул.
Чужак наклюкался допьяна – и сном беспробудным уснул.
И старый, холодный, седой Юкон тело его сглотнул.

Я вскинул ствол и в упор навёл на чёрного Демона Зла.
Он дико взвыл – мертвец бы вскочил, – но смерть его нагнала.
И странно: на шкуре ни дыр, ни раны, и кровь совсем не текла.

III

Судьбы подарок был чёрен, но ярк – не подобрать слова.
У Китти Стервы сдавали нервы и кругом шла голова.
Айк зубами скрипел, и злобой кипел, и сдерживался едва.

Легче добыть, чем поделить – добыча-то ведь одна.
Жадность клокочет, и каждый хочет долю урвать сполна.

И словно псы в закоулке глухом, сцепились муж и жена.

«Шкура моя! – орала она. – Я её добыла!»

«Валили вместе – делить честь по чести! – шипел он. – Ишь, подвела!»

И грызлись в драке, как две собаки из-за гнилого мосла.

Дрались, дрались – не разобрались. И баба стала мечтать:
Что толку драться? Надо податься в Доусон – шкуру продать,
Чёртову шкуру, добытую сдуру – а то добра не видать.

Муж спал, и она улизнула одна – во тьме казалось верней.
Пришпоривал страх, стучало в висках, и сердце билось сильнее.
А он притворялся – тихонько поднялся и скрадом пошёл за ней.

Путь непростой: то утёс крутой, то обрыв – под ним глубина.
Он крался сзади, под ноги глядя, впереди тащилась она.
На Севере так: нерассчитанный шаг – и замыслам всем хана.

А снег уж маслился и оседал – попахивало весной.
Как соты мёдом, взялся водой подтаявший лёд речной,
Гнул, постанывал и трещал, держа напор водяной.

Некуда деться. Будто младенца, шкуру прижав к груди,
Полезла по склону, твердя исступлённо: затеяла – так иди.
И охнула: словно из-под земли, муж возник впереди.

Жена не ревела – окаменела: почуяла смертный час.
Всю гниль и мерзость жизни былой припомнила Китти враз.
А муж зарычал, как раненый пёс, и врезал ей между глаз.

Сотню футов по склону вниз кувырком катилась она.
Уступы, утёсы считала носом, шибанулась в комель бревна.
Зияла внизу во льду полынья; всплеснуло – и тишина.

Птичий гомон весну возвещал – пришла её черед.
Ветви одеты неясным светом и мерцающей корочкой льда.
А вдоль по тропе с добычей в руках спешил человек – в никуда.

Все силы растратил, стал туп как дятел, и мысли пошли вразброд:
Довольно гоняться, ведь мне не двадцать, пусть мерзкая тварь живёт.
Глаза с перепугу продрал: он в лачугу запрыгнул – и застил вход.

IV

Крепко нетрезвый, походкой нерезвой он тащился вдоль бережка.

Не грохнувшись с ног, перейти не мог ни ухаба, ни бугорка.
Крыл чью-то мать, и вставал опять, сделав два-три глотка.

Как загнанный лось измотанный, нёс он плоти больной тюрьму.
Мешая спать старухе-луне, влачился сквозь мрак и тьму.
И много выдавшие дикие горы вслед потешались ему.

Чёрные тени крестили снег, был мягок воздух лесной,
Вдоль-поперёк полнился лог хохочущей тишиной,
Будто сказочный злой людоед скалился под луной.

Корчилась подо льдом река, стеная от дикой тоски.
Сужались и ширились полыньи, словно кошачьи зрачки.
Лёд лютовал – то дыбом вставал, то разламывался в куски.

Его увидели издалека – в том месте, где узкий плёс,
Где близко к берегу льнёт тропа и где пологий откос,
Где струи журчат и льдины торчат вихрами мокрых волос.

Он не был похож на утопленника, что выбросила вода.
Ледяной поток по камням не волок тело его сюда.
Лежал он ниц, и ногти впились в зубастую кромку льда.

Возле тела нашли клочок бумаги – стояло на нём:
«Я был грешен, теперь утешен – свершился судьбы излом.
Шкуру Чёрного Лиса – тому, кто помянет меня добром».

Пока обшарили всё кругом, успел заняться рассвет.
По откосу ходили, вдоль речки бродили – лисьего меха нет.
В земле у лачуги – след от копыт. Но то был не конский след.

Я видел просторы – в них прятались горы, что глыбы в мелком
пруду.

Тащился по следу, гнал непоседу – и знал, что кругами бреду.
Полгода мотал, ослаб, устал, простыл, дрожал на ходу.

Перевод А. Кроткова

Баллада про святошу Пита

«Север пожрал его». – Юконский жаргон.

Он сбился с пути; о, как я спасти хотел его – видит Бог!
Рыдал я над ним, над ближним моим, на путь наставлял, как мог.
Он к брани привык – я этот язык терпел, и проклятья сносил;
Для блага его, его одного, потратил я столько сил!
Я шел тут и там за ним по пятам, терпя лишения и глад,
Молитвы творя, надеждой горя – чтоб к Богу вернулся брат.
Я шел вслед ему в геенну саму, в страну коварных сирен,
В полярный предел – чтоб Враг не сумел забрать его душу в плен.
Я шел через мрак, его я из драк спасал, от бандитских ножей...
Но гаду конец! Заслал он, подлец, ко мне электрических змей!

Бог ведает: он нарушил закон – а я-то хотел помочь!
Бог ведает: он прогнал меня вон; я помню ту страшную ночь.
Лишь начал я речь про адскую печь – сверкнул он глазами в ответ
И рывкнул: «Подлец! Заткнись, наконец!
Будь проклят поповский бред!»
Я в спор не вступил – но он завопил: «Вали-ка отсюда, козел!»;
Схватил он ружье, и прямо в мое лицо он направил ствол.
Что сделать я мог? Скажи мне, браток! В свой дом я ушел тотчас;
Он стал одинок, я стал одинок – и Север был против нас.

Куда ни пойду – он был на виду: меж нами был узкий ручей;
Он рядом со мной ходил, как чумной, угрюмо и без речей.
Почуяли мы дыханье зимы и Смерти хладную длань:
Замерзла вода; грядут холода; на небе – серая рвань.
Дни шли; и всерьез ударил мороз; и край уже снегом одет;
Снег свеж был и бел – но мнилось, имел он бледный и трупный
цвет.
От звездных лучей узоры ветвей сверкали среди темноты;
О Север – страна хрустального сна, безмолвия и мечты!
Был слух обострен: я шум шестерен слышал, что вращают свет,
Средь ночи мой взор был столь же остер: я видел ангелов след.

Я часто в тоске, с Писаньем в руке, глядел за ручей сквозь окно
И думал: разлад лишь радует Ад, и ссориться с ближним грешно!
Но знал я, что он – во тьму погружен и хочет устроить так,
Чтоб – жарче огня – дошла до меня вся злоба его сквозь мрак.
Я ночью и днем на дом за ручьем глядел, ожидая бед;
Знал – время придет, и этот урод устроит мне страшный вред,
Что замысел тот давно в нем живет и жжет его каждый час;
Я Небо просил, мольбу возносил, чтоб Бог от гибели спас.

Что, псих я? Ну да! Так все и всегда безумны – на чей-нибудь взгляд.

Ты сам-то взгляни на то, как *они* в ночи многоцветно горят;
Послушай-ка, брат, как в небе шипят *они*, воплощая порок;
Столкнувшись – шумят, как взрывы гранат, и искр извергают поток.

Коль щупальца *их* – шипящих шутих – ползли бы к постели твоей —

Ты б гада убил, который впустил к тебе электрических змей!

Я видел среди *них* гадюк голубых, бесшумно вползавших ко мне;
И тех, что страшней, – зеленых червей, что лезли, шипя, по стене.
На них я глазел, от ужаса бел; кровь в жилах замедлила бег.
Видал Голубых, Зеленых, иных; но Красные – хуже всех.
Сквозь дверь и окно, любое бревно, сквозь пол, потолок и очаг
Ползли они в дом, пылая огнем, и выли, как свора собак;
По дому ползя, шипеньем грозя, других пожирали червей...
Их пасти в огне тянулись ко мне – все ближе к постели моей!

И самый большой был рядом со мной; к стене я прижался, крича;
Главарь всех червей был много красней, чем красный наряд палача.

Подполз этот змей к постели моей – а щупальцы, как провода!
И пламя во рту! В холодном поту я с ужасом глянул туда —
Обжег меня жар! Как будто кошмар, тот взгляд немигающий был,
Но спас меня Бог! Швырнуть в него смог я Книгу – и он отступил;
Издав он на миг пронзительный крик – и в панике скрылся в тень.
Дождался я дня... Никто до меня не встретил столь радостно день!

О Боже, я жив! Ружье зарядив, прокрался я через ручей;
Лежал он пластом, меж явью и сном, укрывшись одеждой своей.
И я увидал, что близок финал: на деснах его – чернота,
И ужас в глазах, и кровь на губах, беззубого рта пустота.
Такого лица почти мертвеца вовек мне забыть не дано;
Взгляд – мутный, больной, пронизан тоской, просящий и жалобный... Но —

Припомнил я ИХ, страшилищ ночных, взглянув на жертву цинги;
На лоб ему ствол я тут же навел, чтоб вышибить к черту мозги.
Он был очень плох; он вскрикнул – но вздох был слышен едва изо рта:

«О Питер, прости! Ружье опусти! Клянусь – я поверил в Христа!»

* * *

Поставили в строй. Ведет нас конвой куда-то из этих сторон;
Покою мне нет – вблизи меня швед все бредит про свой миллион.
Но, ведает Бог, соврать я не мог; клянусь, что от пули моей

Он сгинул – Сэм Нут, засланный в приют ко мне электрических
змей!

Перевод С. Шоргина

Баллада о безбожнике Билле

Порешили на том, что Билл Маккай будет мной погребен,
Где бы, когда и с какой беды ни откинул копыта он.
Отдаст он концы при полной луне или погожим деньком;
На танцульках, в хижине иль в погребке; в сапогах он иль босиком;
В бархатной тундре, на голой скале, на быстрине, в ледниках,
Во мраке каньона, в топи болот, под лавиной, в хищных клыках;
От счастья, пули, бубонной чумы; тверезым, навеселе, —
Я на Библии клялся: где бы он ни скончался – найду и предам
земле.

Лежать абы как не желал Маккай, не так-то Безбожник прост:
Газон, цветник ему подавай и высшего сорта погост.
Где он помрет, от чего помрет – большая ли в том беда!..
Но эпитафия над головой – без этого нам никуда...
На том и сошлись; за услугу он хорошей деньгой заплатил
(Которую, впрочем, я тем же днем в значных местах просадил).
И вывел я на сосновой доске: «Здесь покоится Билл Маккай»,
Повесил на стену в хибарке своей – ну, а дальше жди-поджидай.

Как-то некая скво ни с того ни с сего завела со мной разговор:
Мол, чьи-то пожитки лежат давно за кряжем Бараньих гор,
А в хижине у перевала чужак от мороза насмерть застыл
И валяется там один как перст. Я смекнул: не иначе – Билл.
Тут и вспомнил я про наш уговор, и с полки достал, скорбя,
Черный с дощечкой серебряной гроб, что выбрал Билл для себя.
Я набил его выпивкой да жратвой, в санях разместил кое-как
И пустился в путь на исходе дня, погоняя своих собак.

Представь: мороз в Юконской глуши – под семьдесят ниже нуля;
Змеятся коряги под коркой снегов, спины свои кругля;
Сосны в лесной тишине хрустят, словно кто-то открыл пальбу;
И, намерзая на капюшон, сосульки липнут ко лбу;
Причудливо светятся небеса, прорежены серым дымком;
Если вдруг металл до кожи достал – обжигает кипящим плевком;
Стынет в стеклянном шарике ртуть; и мороз, убийце подстать,
Идет по пятам, – вот в такой денек поплелся я Билла искать.

Гробовой тишиной, как стеной сплошной, окруженный со всех
сторон,
Слеп и угрюм, я брел наобум сквозь пустынный жестокий Юкон.
Я дурел, я зверел в полярной глуши, – западни, что таит она,
И житье в снегах на свой риск и страх лишь сардо вкусил сполна.
На Север по компасу... Зыбким сном река, равнина и пик
Неслись чередой, но стоило мне задремать – исчезали вмиг.

Река, равнина, могучий пик, словно пламенем озарен, —
Поневоле решишь, что воочью зришь пред собою Господень трон.
На Север, по проклятой Богом земле, что как черт страшна для
хапуг...

Чертыханье мое да собачье вытье – и больше ни звука вокруг.
Вот и хибарка на склоне холма. Дверь толкнул я что было сил
И ступил во мглу: на голом полу лежал, распластавшись, Билл.

Плотным саваном белый лед закопченные стены облек,
Печку, кровать и всё вокруг искрящийся лед обволок.
Сверкающий лед на груди мертвеца, кристаллики льда в волосах,
Лед на пальцах и в сердце лед, лед в остеклелых глазах, —
Ледяным бревном на полу ледяном валялся, конечности – врозь.
Я глазел на труп и на крохотный гроб, что переть мне туда
пришлось,
И промолвил: «Билл пошутить любил, но – черт бы его загреб! —
Надо бы помнить о ближних своих, когда выбираешь гроб!»

Доводилось в полярной хибарке стоять, где вечный царит покой,
С крохотным гробиком шесть на три и насмерть заевшей тоской?
Доводилось у мерзлого трупа сидеть, что как будто оскалил пасть
И нахально ржет: «Сто потов сойдет – не сумеешь во гроб
покрасть!»

Я не из тех, кто сдаётся легко, – но как я подавлен был,
Покуда сидел, растерявшись вконец, и глазел на труп, как дебил.
Но всё ж разогнал пинками собак, нюхавших все кругом,
Затеплил трескучее пламя в печи и возиться стал с трупаком.

Я тринадцать дней топил и топил, да только впустую, видать:
Всё одно не смог ни рук, ни ног согнуть ему хоть на пядь.
Наконец я сказал: «Даже если мне штабелями дрова палить —
Этот черт упрямый не ляжет прямо, и нужно его... пилить».
И тогда я беднягу четвертовал, а засим уложил, скорбя,
В черный с дощечкой серебряной гроб, что выбрал Билл для себя.

В горле комок, – я насилу смог удержаться, чтоб не всплакнуть;
Гроб забил, на сани взвалил и поплелся в обратный путь
В глубокой и узкой могилке он, согласно контракта, лежит
И ждёт, покуда на Страшном суде победит златокопов синклит.
А я иногда удивляюсь, пыхтя трубкой при свете дня:
Неужто на ужас, содеянный мной, взаправду хватило меня?
И только лишь проповедник начнет о Законе Божьем скулить —
Я о Билле думаю и о том... *как трудно было пилить.*

Перевод Владислава Резвого

Баллада об одноглазом майке

*Поведал мне эту историю Майк – он стар был и одноглаз;
А я до утра курил у костра и слушал его рассказ.
Струилась река огня свысока, и кончилась водка у нас.*

Мечтал этот тип, чтоб я погиб, и строил мне козни он;
Хоть ведал мой враг, что я не слабак, – но гнев его был силён.
Он за мною, жесток, гнался то на Восток, то на Запад, то вверх,
то вниз;
И от страшных угроз еле ноги унес я на Север, что мрачен и лыс.

Тут спрятаться смог, тут надолго залёг, жил годы средь мрака и
вьюг
С одною мечтой: клад найду золотой – и наступит врагу каюк;
Я тут что есть сил землю рыл и долбил ручьёв ледяной покров,
Я тут среди скал боролся, искал свой клад золотой из снов.

Так жил я во льдах – с надеждой, в трудах, с улыбкой, в слезах...
Я стар;
Прошло двадцать лет – и более нет надежд на мидасов дар.
Я много бедней церковных мышей, обрыдли труды и снега;
Но как-то сквозь тьму – с чего, не пойму – всплыл забытый образ
врага.

Миновали года с той минуты, когда взмолился я Князю Зла:
Чтобы дал он мне сил, чтобы долго я жил, чтоб убил я того козла —
Но ни знака в ответ и ни звука, о нет... Как всё это было давно!
И хоть юность прошла, память в дырах была, – хотел отомстить
всё равно.
Помню, будто вчера: я курил у костра, над речкой была тишина,
А небо в тот час имело окрас рубиновый, как у вина.
Позже блёклым, седым, как абсент или дым, надо мною стал
небосвод;
Мнились блики огней, и сплетение змей, и танцующих фей полет.

Всё это во сне привиделось мне, быть может... Потом вдалеке
Увидел пятно; спускалось оно, как клякса чернил, по реке:
То прыжок, то рывок; вдоль реки, поперёк; то на месте кружилось
порой —
Так спускалось пятно; это было смешно и схоже с какой-то игрой.

Туманны, легки, вились огоньки там, где было подобье лица, —
Я понял вполне, что это ко мне тихо двигалась тень мертвеца.
Было гладким лицо, как крутое яйцо, гладким вроде бритой
башки,
И мерцало как таз в полуночный час средь змеящихся струй реки.

Всё ближе блеск, и всё ближе плеск, всё видней мертвец и видней;
Предстал он в конце предо мной в кольце тех туманных, дрожащих
огней.

Он дёргался, ныл; он корчился, выл; и я не успел сбежать,
Как вдруг он к ногам моим рухнул – и там так и остался лежать.

А далее – в том клянусь я крестом – сказал мне этот «пловец»:
«Я – твой супостат. Я знаю: ты рад увидеть, что я – мертвец.
Гляди же теперь, в победу поверь, тверди же, что месть – сладка;
Гляди, как ползу и корчусь внизу, среди ила, грязи, песка.

Если время пришло – причинённое зло исправить люди должны;
И я шел потому к тебе одному, чувствуя груз вины.
Да, я зло совершал, и тебя я искал – тут и там, среди ночи и дня;
Хоть я ныне – мертвец, но нашел наконец... Так прости же, прости
меня!»

Мертвец умолял; его череп сверкал, его пальцы вонзились в ил;
Уйти я не мог – лежал он у ног; он ноги мои обхватил.
И сказал я тогда: «Не буду вреда тебе причинять, скорбя.
Хоть безмерна вина твоя, старина, – ну да ладно, прощаю тебя».

Глаза я протёр (может, спал до сих пор?), стряхнул этот сон
дурной.
Сияла луна, освещала она пятно среди воды речной;
Спускалось пятно туда, где темно, где лунный кончался свет,
Вниз и вниз по реке; наконец, вдалеке исчез его тусклый след.

*Седого и дряхлого Майка рассказ я слушал почти до утра.
Потом он уснул, и по-волчьи сверкнул стеклянный глаз у костра;
Отражал этот глаз в предутренний час небесного свет шатра.*

Перевод С. Шоргина

Баллада о Клейме

Богата золотом была страна, а женщин – найдешь с трудом;
И Теллус-кузнец издалика привел красавицу в дом.
Был Теллус мастером в деле своем, он был волосат и силен,
Он встретил ее, и в жены ее он взял из Южных племен.
Ее королевой своей избрал; мечтал, чтобы жили в веках
И имя, и сила стальная его – в его и ее сыновьях.

А были в ту пору насилье и зло уделом этой страны;
Законы молчали, и только супруг был стражем чести жены,
Поскольку там было немало таких, кто мог почти без труда
И женское сердце украсть из груди, и душу сгубить навсегда.
И были женщины, на льстецов бросавшие ласковый взгляд;
И пролили реки крови мужья; Король был тому не рад.
И он возвестил свою волю стране, и строгий издал закон:
«Коль кто-то в стране человека убьет – да будет убит и он».

А Теллус-кузнец доверял жене, он с ревностью был незнаком.
На самой вершине холма их сердца светились любви маяком.
На самой вершине их домик стоял, среди кустов и ракии;
Под сенью дубов был их мирный очаг, от взоров чужих укрыт.
И он поклонялся, как ангелу, ей в том доме среди тишины,
И были горячие губы ее, как бабочки крылья, нежны.
А руки, обвившие шею его, как перышки, были легки;
С лица его грусть прогоняла она одним мановеньем руки.
И в час завершения пыльного дня, прошедшего в звонких трудах,
Она выходила, чтоб встретить его, в закатных янтарных лучах.

И был, как храм беззаветной любви, их балдахин – золотым;
И неба купол, как чаша цветка, лазурью сиял над ним.
Бывало, сквозь заросли лилий и роз она торопливо шла, —
Тогда, словно дети, к ней льнули цветы, она им – как мать была.
И ждал от жизни Теллус-кузнец только радость одну,
И он хвалу возносил богам за счастье и за жену.

И жил там писец-красавец, и звали его – Филон;
Имел он лицо Адониса; был строен, как Аполлон.
Он был безупречен в манерах, изящен и неотразим —
И женщины забывали о чести и долге с ним.
Умен был и в играх ловок, был нежен в речах и остер...
Любая ему уступала, и ждал ее скорый позор.
И он упивался удачей; и в день, что ночи черней,
Жену кузнеца он увидел и жертвой избрал своей.

К своим подмастерьям Теллус был добр, как родной отец;
Сказал он как-то в июне: «В полдень – работе конец!»

Ступайте и радуйтесь солнцу, идите под сень ветвей,
Плывите по тихим водам, и каждый – с подругой своей.»
И он подумал: «Родная, устрою я праздник и нам;
Мы будем играть словно дети, глаза – улыбнутся глазам;
Украсим цветами друг друга, гирлянды из маков сошьем;
Из озера выудим карпа; укроемся в доме своем.
Пусть же кипрские вина текут, услаждая рот;
Сегодня у нас годовщина: со дня нашей свадьбы – год.»

Он шел к ней под пение птичье; от радости пела душа;
Собрал он букет из лилий, к любви, как мальчишка, спеша.
Туда по тропинке прошел он, где в зелени домик тонул,
Где лозами окна увиты... И тихо в окно заглянул.
Усеяли лилии землю; к гортани присох язык;
И в страшную смертную маску лицо превратилось вмиг.
Как иннок, что слышит про Деву дурные слова подлеца,
Кузнец содрогнулся, увидев супругу в объятьях писца.

Побрел в свою кузницу Теллус, шатаясь, словно был пьян,
И сердце терзала мука. Но вскоре явился план...
Он встал к своей наковальне, развел в своей топке жар,
Нанес по куску железа он страшный и точный удар.
И искры сыпались тучей; и делалось дело само;
И вот уж оно готово – позорное, злое Клеймо.

Той ночью звезда его сердца и страстна была, и нежна,
Его целовала жарко, – но знал он, что лжет она.
Еще от нее не слышал он столь влюбленных речей
(От страсти женщина зреет, как плод – от солнца лучей).
А он не сказал ни слова; он только глядел во тьму;
Он знал, что она сгорает от страсти – но не к нему.
Волос ее прядь намотал он на пальцы. В его уме
Звучало одно лишь: «Завтра...»; он думал лишь о Клейме.

Назавтра в солнечный полдень он снова пошел домой.
Под солнцем дремала роща, сморил даже бабочек зной.
Он к дому приблизился тихо... Внутри он услышал смех.
Смеялись над ним эти двое, верша свой постыдный грех.
Он вспомнил глаза, что сияли ему лишь в прежние дни;
Не мог он представить, что ныне сияют другому они!
Угаснет отныне сиянье! И вспыхнул огонь в крови;
Сквозь камень он видел их похоть, их радость от грешной любви.
О ужас! Здесь рай был – что нынче потерян, увы, навсегда...
Терпеть уже не было силы; он бросился в ад – туда!

Да он ли был столь бессердечен? Иль, может быть, все это – бред?
И что так пронзило воздух? То был ее крик – или нет?
И дверь, как скорлупка, ударом – и впрямь была снесена?
А жалкая эта блудница – взаправду его жена?

И что же: вот это – любовник, что подло с ума ее свел,
Которому кости крушил он и бил головой об пол?
Хотел раскроить он череп, тонул его разум во тьме...
Но тут он очнулся. Сквозь ярость блеснула мысль о Клейме.

Связал он Филона нагого, потуже ремни затянул,
А рот жены своей милой он шелковым кляпом заткнул,
И крики утихли. Пред нею лежал распростертый злодей,
И Теллус пригнул пониже за волосы голову ей.
Клеймо раскалил он в камине; принудил ее, чтоб сама
Она рукоятку сжала позорного злого Клейма.
Направил он вниз ее руку, и тела коснулся металл,
Пред нею Филон извивался, пред нею Филон кричал.

Он трижды проделал это, к мольбам и стенаньям жесток:
Чела железо коснулось, и дважды – коснулось щек.
Когда это сделано было, сказал он жене: «Взгляни —
Ты славно его заклеимила! Теперь я разрежу ремни.
О как же ты сладко, отмщенье!» – и путы разрезал он.
Шатаясь, рыдая от боли, поднялся с пола Филон.
И тот, кто был схож с Аполлоном, кто женщин пленял красотой, —
Стал страшен, подобен сатиру, и скрылся во тьме ночной.

*Явились они на суд Короля, и тот объявил закон:
«Коль кто-то чужую жену соблазнит – да будет он впредь
заклеймен.
Да будет Клеймо на его челе, да будет оно на щеках —
Чтоб каждый видел его позор, и боль, и трепет, и страх.
Пусть видит повсюду презрение он, пусть слышит всеобщий смех;
Пускай он уходит в пещеры, во тьму – и прячется там от всех.
Он будет изгнан из мира людей – да будет навеки так;
Пусть ждет судьба хуже смерти того, кто смел осквернить
Очаг».*

Перевод С. Шоргина

Баллада про растяпу Генри Смита

Немного на свете таких чудил – захочешь, не враз найдешь.
Три сотни отводов он застолбил, а золота – ни на грош;
Стремглав летел он на край земли, за буйной толпой спеша;
Соседи лопатой злато гребли – а он не имел ни шиша.
Разведаль жилу, решил: обман, – сбыл за понюх табаку,
И золото все утекло в карман попутчику-дураку.
Однажды пробил двенадцать шурфов – крупинки не отыскал,
А справа и слева везучий люд мешками злато таскал.
Облом случался за разом раз – тут спиться немудрено
Но Смит Растяпа не верил в глаза – к утратам привык давно.

И вот в девятьсот четвертом году – то был високосный год —
Растяпа Генри на Ханкер-Крик прибрал боковой отвод.
Начал копать – и решила судьба: везеньем ему воздаст.
В начале зимы он вскрыл наконец богатый и мощный пласт.
В канавках промывочного лотка осел золотой песок.
День-ночь напролет он рыл, словно крот, выкладывался как мог.
Кончался декабрь, леденела мгла, аренды срок истекал,
А он ликовал: наконец-то урвал то, чего так алкал.

Сидел и думал: ну почему коварны судьбы пути?
И вдруг до слез захотелось ему красоту себе найти.
Чтоб ластилась будто зверек она, с него не сводила глаз,
Подруга, советчица, радость, жена, опора во всякий час.
Собрался поест, костер разложил – мелькнула мысль невпопад:
Что толку от им застолбленных жил? Любовь – вот истинный клад!
Порылся в котомке, сморщив лицо, забытый подарок нашел —
Пасхальное крашеное яйцо, надписано карандашом.

О них с теплом припомнит любой, кто шел по юконской тропе.
Их женщины слали, свои адреса черкнувши на скорлупе.
И самый тупой златокоп-шакал, что только себя ценил,
К подарку такому вмиг привыкал и возле сердца хранил.
Растяпа яйцо осторожно взял и к свету его поднес,
Щурился, долго не разбирая – буквы тоньше волос.
Напрягся – и все же сумел прочесть строчки неровной бег:
«Старатель, захочешь, так напиши – Висконсин, Сквошвилл, для
Пег?»

Всю ночь он думал о ней одной – богине издалика.
Казалось, откликнулись небеса на чаянья мужика.
Она приходила к нему во сне, и днем являлась она.
Улыбка ее сквозь табачный дым сияла – легка, ясна.
И сдался он на сердечный зов, пожитки свои повлек
В далекий Висконсин, в озерный край, к дому красотки Пег.

Он чуял: чем ближе конец пути, тем жарче любовный пыл.
Для встречи с нею искал слова, искал – и не находил.
И вот наконец, с мороза застыв, но страстью в душе горя,
Он встал у порога ее жилья, как грешник у алтаря.
От искры малой в сердце зажглись любовные пламена;
Набрался храбрости, постучал – и дверь открыла она,
Прекрасна, словно весенний цвет; смутясь и охрипнув, он
Выдал: «Здрате... то есть привет... я с севера, где Юкон...
Я золота полный мешок привез, а адрес... ну в общем, вот...
Хотел повидать я девушку Пег, которая здесь живет».

Краска бросилась ей в лицо; помедлив слегка, она
Ответила мягко – глубь ее глаз слезами увлажнена:
«Да, златокоп юконский, ты прав; девушка Пег – это я.
Тебя отыскать, подарок послать – затея была моя.
К тем, чья жизнь – холод и мрак, сердцем меня влекло.
Но, полагаю, посланье мое поздно тебя нашло.
Ждала, надеялась – вот бы тогда явился ты предо мной...
Но полтора уж года назад я стала мужней женой.
Напрасно проделал ты дальний путь. Не гнать же тебя взашей;
Что ж, заходи, садись и гляди – увидишь моих малышей».

Перевод А. Кроткова

Человек из Эльдорадо

I

Человек из Эльдорадо – гляньте: в город входит он
В старой, драной куртке из оленьих кож,
Он пропах землёй и потом, грязен, солнцем обожжён,
На индейца измождённого похож.
Многодневную щетиной, словно боров, он зарос,
И спина не разгибается пока,
Он бредет, и с ним плетется захудалый рыжий пёс,
Но в котомке – кучка жёлтого песка.

На ходу, казалось, дремлет (взор терзают фонари);
Вспоминает время тяжкого труда
И убогую лачугу, где мечтал он до зари
(Слава Богу, не вернется он туда!),
Жрал томаты из жестянки, и засушенный бекон,
И прогнившие, прогорклые бобы,
И теперь его желудок этой пищей изнурён —
Но в мешочке – золотишко, дар судьбы.

Он тонул в зыбучей глине, он сплавлялся на плоту
И лебёдки поворачивал рычаг,
Сам себя загнал пинками в немоть, сырость, темноту,
От труда невыносимого исчах.
Но теперь всё это в прошлом; нынче дышится легко,
Запах сена долетает с ветерком.
Мнится сад ему цветущий – где-то, где-то далеко —
Там коттедж, лозой увитый. Это – Дом.

II

Человек из Эльдорадо и умылся, и поел,
Повстречался с парой алчущих друзей,
Часть песка решил потратить – чтобы вечер пролетел,
О стальное спрятал – чай, не ротовей.
У него в глазах сиянье, и рассказ несется вскачь,
Радость в сердце и бутылка на столе;
Неказист, одет в лохмотья, но сегодня он – богач,
О сегодня – самый главный на земле!

Говорит он: «Мне, ребята, Север больше ни к чему,

Хоть я думал, что останусь тут навек.
Но сумел, сумел пробиться я к богатству своему —
И теперь пошлю к чертям проклятый снег.
Я отправлюсь в край чудесный, в Божью, дивную страну,
Я куплю себе земли, построю дом,
Заведу себе хозяйство, и найду себе жену,
И детей десяток мы произведём».

Все его превозносили, возле бара встали в ряд,
Троекратно пожелали долгих лет;
Он дымил сигарой толстой, весел был и очень рад
Предсказаньям денег, счастья и побед.
И за дом, и за супругу – громких тостов череда,
За детей, и вновь – за будущую мать;
Человек из Эльдорадо притомился – и тогда
Уложили его на пол подремать.

III

Человек из Эльдорадо только начал путь большой,
К чумовому опьянению разбег.
На душе у парня похоть, золотишко – за душой;
Танцевал он с местной девкой Маклак Мэг.
Словно фея, белокура, словно ягодка, нежна,
Славно парня вокруг пальца обведет;
И речами музыкальна, и фигуркою ладна,
А в улыбке – только сахар, только мёд.

Лихорадка этих танцев! Этот блеск и этот шик,
Всё кружится, пол качается слегка!
И мелодии, и вина, и объятий чудный миг,
И она – так одуряющее близка!
Маклак Мэг с мадонной схожа, он же – грязен, измождён,
Но она, ему даря любовь свою,
И ласкает, и целует! И уже поверил он,
Что участок застолбил себе в раю.

Вот пришла пора тустепа: как пленителен напев!
Ритмы дивные – заманят и глухих!
Блеск, безумие, брильянты, избылье дивных дев,
И – бродяга в мокалинах среди них:
Вот кто платит за веселье, за спиртное, за жратву;
Все слетелись, как стервятники, к нему...
Но когда конец настанет и песку, и удалству —
Парня выгонят на холод, в грязь и тьму.

Человек из Эльдорадо славно день проводит свой;

И за ним – заветной пыли жёлтый след;
Он сдержат себя не может, он сегодня как шальной,
И управы на его безумье нет.
Слово сказано – так, значит, как огонь, оно летит,
И – глядите – все друзья ему теперь:
Кавалеры – негодяи, дамы, что забыли стыд, —
Те, что вышвырнут потом его за дверь.

IV

Человек из Эльдорадо пир затеял до утра;
Пусть танцуют все, пусть будут все пьяны:
Денди местного разлива, банкометы, шулера,
Перекупщики, лентяи, хвастуны,
Размалёванные дамы с ненасытным блеском глаз —
Нет, Клондайка еще такого не видал!
Маклак Мэг сказала: «Выпьем за того, кто поит нас,
За того, кто так удачлив и удал!»

«Удалец» ответить хочет, поднимается с трудом —
И мелькают, как в тумане, перед ним
Травы сказочного Юга, напоённые дождём,
Степь зелёная под небом голубым.
Понял он, что не увидит этих трав и этих нив
(А вокруг и шум, и гам, и круговерть),
И, зловонное дыханье подлой жизни ощутив,
Он становится суровым, словно смерть.

Он встает (и сразу – тихо), говорит: «Мои друзья,
В свой карман впустил я ваши руки сам,
Я кормил вас в этот вечер, и поил вас тоже я;
Что осталось? – лишь послать проклятье вам.
Да, конец моим надеждам – что ж, я сам тому виной;
Я растратил состояние свое.
Вы доставили мне радость тем, что были здесь со мной, —
Вам дарю я это, шлюхи и ворье!»

И остатки состоянья, что хранил еще в мешке,
Он швырнул с размаху – на пол, на столы;
Словно зёрна, разлетелись самородки в кабаке,
Жёлтой пылью засияли все углы.
Гости замерли... Но тут же вся собравшаяся дрянь
С криком бросилась за золотом под стол;
Все дрались, как будто звери, и неслась по залу брань...
А «счастливчик» хлопнул дверью и ушел.

V

Человек из Эльдорадо отыскался тем же днём —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.